
ИРА
ДАЛИНСКИ
БУЛАТОВ
Больно любить
18+

Ира Далински

Булатов. Больно любить.

«Автор»
2026

Далински И.

Булатов. Больно любить. / И. Далински — «Автор», 2026

– Тебе понравилось? Его внимание?– Что ты натворил, Мурад?! – я бросилась к нему, толкнула в грудь со всей силы, на какую была способна. Он даже не пошатнулся. – Парня нашли у обочины с разбитым лицом и сломанной челюстью. Я знаю, что это твоих рук! Он только помог мне...– Так будет с каждым, сладкая. Я уничтожу всё, что попытается встать между нами. Даже тень. Даже мысль.– Ты ненормальный, Булатов! Я не хочу тебя! Исчезни из моей жизни!Мои слова только сильнее злят его. Мурад хватает меня за горло и вжимает в стену.– Пока я дышу, ты будешь моей. А когда перестану дышать, я заберу тебя с собой. Конечно, заберу. Потому что иначе какая же это любовь?Все в наших горах знают: если Булатов выбрал женщину, он не отступит от своей черной любви никогда. У них есть власть, репутация. Они носят своих женщин на руках, но любить Булатова... очень больно.

© Далински И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 13
Глава 5 17
Глава 6 21
Глава 7 24
Глава 8 27
Глава 9 31
Глава 10 34
Глава 11 37
Глава 12 40
Глава 13 44
Г 47
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Ира Далински
Булатов. Больно любить.

Глава 1

Я выхожу из главного корпуса университета, и тёплый майский воздух обволакивает меня после прохладной аудитории. Смеюсь над чем-то, что говорит подруга, поправляю ремень тяжёлой сумки на плече. Ещё несколько дней и сессия. Мысли путаются между конспектами по статистике и списком продуктов, который просила купить мама.

И тут я вижу *его*.

Весь мой мир резко замедляется, звук отдаляется, будто кто-то вывернул регулятор громкости жизни. У главных ворот, облокотившись на чёрный внедорожник с тонированными стёклами, стоит Мурад Булатов.

Мой персональный кошмар наяву.

Он не делает ни одного лишнего движения. Просто стоит. Руки в карманах дорогих брюк, солнцезащитные очки скрывают глаза, но я чувствую его взгляд. Он сверлит меня насквозь, медленно, с ног до головы. Я ощущаю, как этот взгляд скользит по пиджаку, по моей узкой юбке, которая вдруг кажется мне непозволительно короткой, по волосам, выбившимся из хвоста. Жарко. Мне становится невыносимо жарко, хотя секунду назад было комфортно.

– Саада, ты чего? – голос подруги я слышу, будто издалека.

Я отрываю взгляд от него, силой заставляя себя улыбнуться Раяне.

– Ничего. Устала уже переживать на счёт экзаменов. Увидимся завтра?

Мы быстро обнимаемся, и я почти физически чувствую, как подруга тоже замечает Булатова и напрягается. Она что-то бормочет о вечернем звонке и уходит, бросив на меня взгляд, полный смеси жалости и любопытства.

Я делаю глубокий вдох и направляюсь к остановке. Шаги даются с трудом, ноги будто ватные. Я не смотрю в его сторону, но вся моя кожа, каждый нерв ощущает его присутствие. Это как идти мимо спящего льва, надеясь, что он не проснётся.

Надежда оказывается призрачной.

Слышу мягкие, почти бесшумные шаги за спиной. Мурад догнал меня легко, неспешно. Рядом возникает его тень, длинная и подавляющая.

– Твой однокурсник любит есть через трубочку? – звучит его голос без единой эмоции.

Я замираю на месте, медленно поворачиваю к нему голову.

– Чего? – вырывается у меня.

Мурад снимает очки. Его глаза – тёмные, холодные, как горное озеро зимой.

– А то, что будет есть, если ещё раз подкатит к тебе после пар. Я видел, как он вчера тебе «конспекты предлагал». У него очень хрупкие скулы, Саада.

В груди всё сжимается в ледяной ком. Я смотрю в его глаза и вижу там абсолютную, ледяную уверенность. Он никогда не шутит про такие вещи.

– Мурад, ты преувеличиваешь. Это просто учёба. Я иду домой.

Я делаю шаг, но его слово, тихое и чёткое, останавливает меня как стена.

– Стоять.

Я замираю. Непроизвольно. Рефлекторно. Тело слушается его раньше, чем разум успевает вмешаться.

Я знаю, что это за люди. Булатовы. Знаю с детства по шепоту взрослых, по быстрому смолканию разговоров, когда в помещение входил кто-то из их круга. Знаю по истории с сыном

аптекаря, которого увезли в другой район после того, как он «не так посмотрел» на младшую и единственную дочь Имрана Булатова. Сестру Мурада.

Они не нарушают закон. Они – выше него. Здесь, в этих горах, в этом городе.

– Покажи мне свои красивые глазки, Саада, – говорит он, и в его голосе появляется странная, извращённая нежность.

Я медленно, преодолевая дрожь в коленях, поднимаю на него взгляд. Вижу своё отражение в его тёмных зрачках – испуганное, маленькое, беспомощное.

Он победно улыбается. Это не добрая улыбка. Это улыбка охотника, который загнал дичь в угол. И Мурад делает ко мне шаг, сокращая и без того крошечную дистанцию между нами. От него пахнет как обычно дорогим парфюмом, но и опасным холодом. Запах власти и уверенности, который пробирает до костей.

– Мне надоело сторожить тебя, как цепной пес косточку.

Каждое слово вбивается в сознание гвоздём.

Храбрость, или, скорее, отчаяние, поднимается во мне пузырями гнева.

– А тебя никто не просил!

Сжимаю лямки рюкзака до побеления костяшек.

Булатов не злится, лишь слегка наклоняет голову, будто рассматривая редкое, строптивое насекомое. В его глазах мелькает что-то похожее на азарт. Мой гнев только подогревает его интерес и каждый раз это получается у меня неосознанно.

– Не подпускай к себе парней, Саада. Ни однокурсников, ни «просто друзей», ни соседей. Ты моя. Не забывай об этом.

Этот холодный, уверенный тон разжигает во мне не страх, а яростное, отчаянное сопротивление. Оно вырывается наружу, прежде чем я успеваю его обуздать.

– Я никогда не буду твоей, Мурад. И не мечтай!

Я почти не верю, что это сказала. Слова повисают в воздухе, и я чувствую, как мир вокруг замирает вместе с ним.

Тишина сгущается, становится вязкой и тяжёлой. Там, на дне чёрных глаз, появляется что-то другое – холодный и опасный азарт. И я понимаю, что только что перешла черту. Ту самую, за которой нет возврата.

– Спорим? – произносит он тихо, и в этом одном слове звучит вызов, насмешка и абсолютная уверенность. – Я ведь могу забрать тебя хоть сегодня, Саада. Не искушай меня.

«Забрать».

В памяти всплывают обрывки разговоров, шёпот за закрытыми дверями. Его старший брат, Саид и девушка, которая тоже говорила «нет». Говорила громко. А потом – пышная свадьба и её опущенные, потухшие глаза, которые больше ни на ком не останавливались.

Булатовым не отказывают. Это не правило. Это закон природы в наших краях, как сход лавины или разлив реки.

Животный страх накрывает волной. Он смывает гнев, оставляя только леденящую ясность: я играю с огнём, способным спалить всю мою жизнь и жизнь моей семьи.

Я отступаю на шаг, пытаясь вернуть себе хоть видимость контроля.

– Пока! Я... я опоздаю на автобус.

Поворачиваюсь, чтобы уйти, сделать хоть что-то, чтобы разорвать это поле его подавляющего присутствия, но Мурад оказывается передо мной мгновенно, блокируя путь. Его близость давит, не оставляя воздуха.

– Саада, – голос теперь звучит не просто холодно, а мертвенно-спокойно. Он поднимает руку и указывает пальцем не на моё лицо, а туда, где под тонкой тканью блузки бьётся моё перепуганное сердце. – Отдай мне его добровольно.

Я замираю, не в силах оторвать взгляд от его направленного пальца.

– Потому что, если отберу я, – он делает микроскопическую паузу, и в его глазах вспыхивает что-то тёмное, бездонное, – это будет больно. И для тебя. И для всех, кто попытается встать между мной и тем, что принадлежит мне.

Мой автобус, простая, скучная жизнь студентки, мечты о будущем, где нет этого давления – всё это рассыпается в прах под его взглядом. Передо мной только два пути: сдаться сейчас, подчиниться этой чёрной, поглощающей воле или бороться, зная, что цена сопротивления будет катастрофической. И что в конце этого пути, какой бы я его ни выбрала, он всё равно будет ждать. Потому что он уже решил. Ещё тогда, когда впервые увидел меня.

А я даже толком не поняла ничего. Для него это была судьба. Для меня – начало кошмара.

Чёрный внедорожник всё ещё стоит рядом, с открытой дверью. Пропасть или клетка. Разницы уже почти нет.

Мурад ждёт.

Глава 2

Я всегда знала, кто такие Булатовы. Их имя в нашей республике звучало как отдаленный гром – ты не всегда его видишь, но чувствуешь напряжение в воздухе перед ним.

Они были не просто богаты. Они были силой. Уважаемой, старой, бескомпромиссной. Их боялись и им завидовали. И я, Саада, дочь школьной учительницы и электрика, никогда не думала, что моя жизнь как-то пересечётся с их миром. Потому что их крепость и жизнь была в горах, а моя здесь в городе.

Всё изменилось на свадьбе моего троюродного брата.

Это было позапрошлым летом. Я как раз поступила в университет и мне разрешили перед началом студенческой жизни, немного развеяться.

Жара, пышное платье, которое я взяла напрокат, смех, музыка, гора еды.

Я была просто одной из многочисленных родственниц, помогала на кухне, подносила сладости, веселилась с сестрами. Чувствовала себя невидимой в этой пёстрой, шумной толпе, и мне это нравилось.

Именно тогда я его и увидела впервые.

Мурад стоял в тени огромного навеса, окруженный кольцом мужчин постарше, которые говорили с ним со смесью почтительности и подобострастия. Мурад Булатов. Он не был самым старшим, но даже его отец, суровый Имран, слушал его, слегка склонив голову.

Имран Булатов уважает каждого из своих сыновей. И в каждом из них стальной характер, потому что их дети с пелёнок воспитываются под одним шаблоном. Мужчина – глава. Он должен быть сильным, смелым и трудолюбивым. Женщина – то, что нужно защитить и контролировать. Их дочери растут в шелках и золоте, как принцессы, но цена за такой мир слишком высокая.

Взгляд Мурада был тяжелый и оценивающий. Он скучающе скользил по толпе, будто просто оценивал ландшафт. У него был красивый рост и в черном костюме-тройке, он казался сошедшим с какого-то фильма.

Позже я узнаю, что этот мужчина, как и его братья, дяди, работает в гос.органах. И что Булатовы всегда участны к тем или иным событиям в их родовом селе, будь то похороны или свадьба.

Я поспешно отвернулась, но по спине уже полз внезапный холодок. Вспомнив, зачем приходила, я отнесла поднос с пахлавой к столу, где сидели взрослые женщины. Но, когда развернулась за очередной порцией, услышала за спиной негромки, но чёткий голос:

– Тебе нужна помощь?

Я испуганно обернулась.

Мурад стоял прямо передо мной ближе, чем положено по всем неписаным правилам. Так близко, что я увидела мельчайшие детали: аккуратную щетину на щеках, холодную сталь часов на запястье, и главное – его глаза, в которых отражалась я. Растерянная, с пустым подносом в руках.

– Я… я справлюсь, – пробормотала я, чувствуя, как становится жарко под воротником платья.

Девушки накрывали столы в женской половине, парни в мужской. Это считалось нормальным, ведь не все могли позволить для свадьбы нанять обслуживающий персонал.

Мурад просто взял поднос из моих оцепеневших рук и передал на кухню:

– Три чая, один покрепче.

Его пальцы на миг коснулись моих, и это прикосновение показалось мне обжигающе горячим. Я как завороженная смотрела на него, хотя должна была уйти.

– Саада, – произнес он мое имя, будто пробуя на вкус.

Он уже знал его. И это был первый тревожный звоночек.

– Красивое имя. И глаза у тебя… не могу насмотреться.

Мурад усмехнулся, всматриваясь в мое лицо.

Да. Наши глаза были слишком разными. Его – глубокие карие, мои – холодные голубые.

Он ничего не спросил тогда. Не представился даже сам, потому что не посчитал нужным. Все вокруг знают их род.

– Увидимся.

Кивнув мне на прощание коротким, властным кивком, Мурад забрал поднос с чаем и вернулся в свой круг. А я осталась стоять, чувствуя на себе десятки любопытных и обеспокоенных взглядов.

Тогда я еще надеялась, что это случайность. Нелепое стечение обстоятельств.

Надежда умерла на следующее утро.

Глава 3

На следующий день после свадьбы к нашему дому подъехал внушительный чёрный автомобиль, коих в нашем районе ни у кого нет. Из него тогда вышел не Мурад, а две взрослые женщины. В их руках были большие глянцевые пакеты, как подарочные, а моя мать встретила их… с тревогой.

Это был первый ход от Булатова. Он прислал к нашим дверям свою мать с тётей, чтобы… подчеркнуть серьёзность своих намерений.

Амина Булатова вошла в наш дом так, будто делала одолжение. Высокая, статная, с идеальной осанкой. Её тёмные волосы, уложенные в строгую причёску под платком, блестели, как полированный каштан. Ни одной седой пряди. Ни одной морщины, которая могла бы выдать возраст, только лёгкие тени у глаз, которые придавали лицу выражение вечной настороженности.

Она была одета просто, но эта простота стоила целого состояния. Тёмно-синее платье из тонкой шерсти, золотые серьги с камнями, которые ловили свет и бросали его обратно. На запястье тонкий браслет, который, я была уверена, стоил больше, чем наш дом.

Но главное было не в одежде. Главное было в её взгляде. Холодный, оценивающий, пронзительный. Она смотрела на нашу маленькую прихожую, на старенький ковёр, на обои, которые отец клеил сам, и в её глазах была простая констатация. Будто отмечала про себя: вот здесь живёт семья, с которой хочет породниться мой сын. И это было не одобрение. Это было принятие неизбежного.

Тетя Зарема, её спутница, была полной противоположностью. Невысокая, полная, с лицом, которое, казалось, никогда не знало улыбки, но в то же время с какой-то хитрой, почти лисьей живостью в глазах. Она говорила больше Амины, но её слова были осторожны, как шаги по тонкому льду.

Они сели за стол – Амина и Зарема на одной стороне, мама напротив. Я стояла в коридоре, прижавшись к стене, и слушала. Мне просто сказали не выходить.

Разговор был коротким. Голос мамы звучал тихо:

– …мы не просили об этом. Саада не хотела...

– Я знаю, – перебила Амина, и в её голосе впервые появилась тень чего-то похожего на эмоции. – Я знаю, что она не хотела. Мой сын... он не всегда спрашивает. Знаю, у него ужасный характер и раз он сделал выбор…

Она помолчала, глядя на маму. Все было ясно.

Мама побледнела как полотно. Отец, обычно спокойный, весь вечер ходил из угла в угол, молча курил на улице. Сестры шептались в комнате, которую мы всю жизнь делили на троих. А единственный старший брат работал далеко в столице и даже не знал о том, что происходило дома.

– Они столько всего принесли…, – тихо сказала мама после их ухода, смотря на подарки пустыми глазами.

Там было все и для всех. Постельное белье для мамы, золотые украшения мне и сестрам, фирменные рубашки брату и отцу.

Я попыталась всё вернуть. Нашла номер Мурада на открытке в одном пакете, позвонила, сказала дрожащим от паники голосом, что это слишком щедро, что мы не можем принять столько.

На том конце провода был его спокойный, как лёд, голос.

– Это не подарок, Саада. Считай, что комплимент. Хотя… эти тряпки блекнут перед твоей красотой. Выбрось, если не нравится.

И положил трубку.

Мне пришлось принять всё, скрепя зубы от досады. Сестры были счастливы. Самира, которая младше меня на два года причитала, что это билет в счастливую жизнь. Что рядом с таким мужчиной у меня будет все и даже больше.

Но в груди была тревога.

Потому что сразу после начались «случайные» встречи. Его машина медленно ехала за мной, когда я шла на остановку в университет каждое утро. Он оказывался в тех же местах, где я обедала с подругами, сидел за дальним столиком и просто смотрел. Не подходил. Просто наблюдал как коллекционер наблюдает за редким экспонатом, который уже мысленно поместил в свою витрину.

Подруги сначала шутили: «О, твой тайный поклонник опять дежурит», «Богатый жених засматривается, Саада, лови момент!».

Но шутки быстро затихали, сменяясь неловким молчанием. Они тоже начинали чувствовать, что это – не просто интерес, а тяжелое, собственническое внимание, в котором не было ничего светлого или романтичного.

Они замолкали, украдкой бросая взгляды на его столик, а потом торопились закончить обед. Его тень легла не только на меня, но и на мое обычное общение, отравив его страхом и настороженностью.

Однажды, когда я засиделась в библиотеке и возвращалась уже в густых сумерках, по пустынной улице, возле нашего старого парка, его машина беззвучно притормозила прямо рядом со мной. Я замерла, инстинктивно прижав книги для курсовой к груди. Сердце упало в пятки от страха, холодный пот выступил на спине.

Передняя пассажирская дверь открылась, и Мурад неспешно вышел, как будто выходил у себя во дворе. Он заблокировал мне путь, смотрел долго прямо в глаза, не отпуская мой взгляд:

– Ты боишься меня, – констатировал он. Я поняла, что это уже не вопрос.

– Ч-что ты имеешь в виду?

– Напрасно, – продолжил он, не меняя интонации. Его взгляд скользнул по моим пальцам, впившихся в корешки учебников. – Я не причиню тебе зла, Саада. Никогда. Ты будешь у меня как за горой. Безопасная, защищённая, любимая. У тебя будет всё.

Всё, кроме свободы, пронеслось у меня в голове.

– Я не хочу этого! – вырвалось у меня наконец, и в голосе прозвучали слезы отчаяния и накопившейся злости. – Я не хочу твоих подарков, твоего внимания! Я не хочу, чтобы ты следил за мной! Оставь меня в покое!

Он тогда впервые изменил выражение лица. Что-то похожее на лёгкое, искреннее недоумение мелькнуло в его чёрных, непроницаемых глазах. Будто я сказала что-то на абсолютно непонятном, абсурдном языке. Он даже слегка наклонил голову, разглядывая меня.

– Что значит «не хочу»? – спросил почти задумчиво. – Ты моя. Я так решил. Твое «хочу» здесь не имеет значения. Оно не требуется.

Именно тогда я поняла суть его «любви». Это не было чувство. Это было решение. Аксиома. Он выбрал меня на той свадьбе, как выбирают картину для стены. И теперь его задача – водрузить меня на предназначенное место, смахнув пыль сомнений и убрав все помехи.

– И вообще, в такое время одна, по тёмным переулкам?

Я отшатнулась от внезапной вспышки гнева.

– Я всегда так хожу, – пробормотала я, чувствуя себя виноватой школьницей, хотя не делала ничего предосудительного.

– Больше не будешь, – отрезал он, вытаскивая телефон из кармана и быстро что-то набрал. – Через пять минут будет такси. Сядешь и поедешь домой. Прямо до подъезда.

– Мурад, не надо, я…

– Не спорь со мной, Саада, – его интонация не оставляла пространства для дискуссий.

Он прислонился к капоту своей машины, скрестил руки на груди и уставился на меня тем тяжёлым, неотрывным взглядом, от которого кровь стыла в жилах. Он не уйдет. Это было ясно как день. Будет стоять здесь и смотреть, пока его приказ не будет выполнен, потому что мы оба понимали, что будет, если он сам подвезет меня.

Я чувствовала каждый его вздох, каждое микро-движение. Я была пленником этой тротуарной плитки под желтым светом фонаря.

Ждать пришлось недолго. К нам подъехала стальная иномарка. Мурад двинулся с места, открыл заднюю дверцу и жестом, не терпящим возражений, указал мне внутрь.

– Адрес скажешь, – он бросил водителю купюру и наклонился ко мне, уже в салоне.– Прямо домой. Никаких остановок. Поняла?

Я кивнула, не в силах возразить.

Я прошептала свой адрес, и машина тронулась. В боковое зеркало я видела, как Мурад сел в свой внедорожник, развернулся и медленно, сохраняя дистанцию, поехал за нами. Он даже не скрывался. Сопровождал меня как конвой. Как страж, ведущий ценную добычу в крепость.

Всю дорогу, все пятнадцать минут, я видела в зеркале его фары. Я не могла дышать полной грудью, пока мы не подъехали к моему дому.

Та свадьба была не началом. Она была точкой невозврата. А то, что происходило сейчас – это медленное, неумолимое погружение в тень. В его мир. В любовь, которая не спрашивает. Которая просто берет.

Глава 4

Мурад Булатов пытался «наладить отношения» по-своему.

Дорогими подарками, которые я не смела вносить в дом и оставляла у подруги Раяны. Цветами, которые заполняли всю нашу маленькую прихожую.

Сестры называли меня сумасшедшей, раз отталкиваю такого завидного жениха. Но они были младше… и не понимали всего.

Каждый жест Мурада был кирпичиком в стене, которую он возводил вокруг меня – стене из благодеяний, внимания и тихого, неоспоримого давления.

И тогда, у ворот университета, когда он говорил о сломанных челюстях и слишком короткой юбке на мне, эта стена окончательно сомкнулась. Я увидела не влюбленного мужчину. Я увидела владельца. Хозяина. Того, кто уже давно поставил на мне свою метку.

Одержимость, которую Мурад гордо называет любовью. А любовь Булатова, как я уже успела узнать – клетка. Прекрасная, роскошная, но не имеющая выхода.

…

После занятий мы с Раяной пошли на наш университетский стадион не столько ради спорта, сколько чтобы немного освежить головы. Воздух после душных аудиторий казался почти сладким, пропитанным запахом скошенной травы.

Стадион жил своей обычной жизнью. Кто-то сидел на трибунах с конспектами, кто-то растянулся на скамейках, подставив лица солнцу. А сегодня на поле гоняли мяч старшекурсники из футбольной команды. Их звонкие голоса и свистки четко доносились до нас.

Раяна то и дело поглядывала на часы, потому что вечером у них прием гостей, и вскоре она засобиралась домой.

– Ты точно не пойдешь? – спросила она, подхватывая сумку.

– Посижу еще немного.

Она ушла, оставив меня одну на трибуне. Я облокотилась о перила и рассеянно скользнула взглядом по полю, по фигуркам игроков в разноцветных футболках. Искала знакомое лицо. Того самого парня, из-за которого сердце билось быстрее, стоило ему появиться в поле зрения. Но его не было. Ни на поле, ни на скамейке запасных, ни среди болельщиков.

Я вздохнула тихо, сама себе, и поднялась.

Нет смысла сидеть здесь, если смотреть не на кого.

Внутри осталось легкое, почти незаметное разочарование. Как будто день не удался. Как будто я ждала чего-то, что так и не случилось.

Я спустилась по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, и выбрала самый короткий путь к университетским воротам – через небольшую рощу, которую мы все называли «леском». Уже у самой кромки деревьев я замедлила шаг. Среди берез и старых лип было тихо, почти сумрачно, и солнечные лучи просачивались сквозь листву косыми полосами. Деревья укрывали от чужих глаз, и от этого место казалось каким-то сказочным.

Я почти вышла из рощи, когда знакомый голос окликнул меня, заставляя замереть на месте.

Сердце пропустило удар. Потом второй. Я узнала этот голос раньше, чем успела осознать, что делаю. Медленно обернулась, будто боялась, что, если повернусь слишком быстро, видение исчезнет.

Зураб.

Он стоял в нескольких шагах и в руке у него был блокнот. Мой блокнот. Тот самый, с потертой обложкой цвета кофе с молоком, который я таскала с собой повсюду с первого курса.

– Привет, – сказал он и сделал шаг ближе. – Ты забыла это на выставке вчера. Я хотел вернуть раньше, но не знал, где тебя найти. А сегодня увидел, как ты идешь сюда.

Я смотрела на блокнот в его руках и чувствовала, как кровь приливает к кончикам ушей. Вспомнила вчерашний день – выставку архитектурных проектов, куда нас, студентов-экономистов, отправили «для расширения кругозора». Зураб стоял у стенда с макетом современной башни – высокой, стеклянной, устремлённой в небо. Он что-то объяснял группе студентов помладше, водил указкой по чертежам, и его глаза горели так, что я не могла отвести взгляд. Я простояла у его стенда почти час, делая вид, что изучаю материалы, а потом ушла, забыв блокнот на столе.

Блокнот, в котором я записывала конспекты, расписания. Записывала… всё.

Только не это. Пожалуйста, только не это.

Я схватила блокнот, прижала к груди, как будто он мог защитить меня от позора.

– Спасибо, – выдохнула я. – Я… я даже не заметила, что потеряла его.

– Хорошая вещь, – сказал Зураб. – И у тебя красивый почерк.

Он видел. Он читал…

– Это просто конспекты, – пробормотала я, чувствуя, как горят щёки. – Ничего особенного.

– Не скажи. Я успел заглянуть на первую страницу. Там были стихи.

Мир остановился.

Стихи. Мои стихи. Про него, но без имени. Про его глаза. Про то, как он улыбается. Про то, как я не могу дышать, когда он рядом.

Я с трудом сглотнула и посмотрела на блокнот. Та самая страница, где я в прошлом году, после первой лекции по макроэкономике, записала: «У него зеленые глаза. Как весенний лес. Я утонула».

– Это… это не моё, – соврала я, и голос предательски дрогнул. – Я переписывала для подруги.

Зураб мягко улыбнулся. И в этой улыбке было что-то, от чего мое сердце забилось еще быстрее. Впрочем, я всегда таяла от его улыбок.

– Не волнуйся, я не читал дальше. Только первую страницу и то случайно, чтобы найти имя потеряшки.

Всевышний.... Спасибо за то, что это был не мой личный дневник. Тот, где я записываю все свои мысли, все свои глупые, невозможные надежды.

Я спрятала блокнот в сумку, застегнула молнию, как будто это могло закрыть мой позор.

– Все равно спасибо. Я бы, наверное, с ума сошла, если бы потеряла его. Там все важные пометки за семестр.

– Понимаю.

Он замолчал. И я замолчала. Мы стояли в тени деревьев, и между нами повисла тишина – не неловкая, а какая-то… живая. Наполненная чем-то, что я не могла назвать.

– Раньше не замечал тебя здесь, – сказал он наконец, и его голос стал другим. Мягче. Ближе.

– Но я почти каждый день бываю на стадионе, – ответила я, и на этот раз не стала ругать себя за сказанное.

– Да? Впредь буду внимательнее.

– Зачем?

Он смутился. По-настоящему. Почесал затылок – жест, который я видела сотни раз, но всегда на расстоянии. А сейчас он был в двух шагах от меня. И этот жест, такой простой, такой мальчишеский, вдруг сделал его настоящим.

– Ну… – Зураб опустил взгляд, потом снова поднял. – Я тут подумал…

Он снова замолчал. Будто слова застревали в горле. Потом выдохнул и сказал быстро, как если бы прыгнул с обрыва:

– Саада, ты не против, если мы иногда будем… общаться?

Мир замер.

Я смотрела на него и не могла поверить.

Два долгих года я смотрела на него из толпы, ловила его взгляд в столовой, считала секунды до конца пары, чтобы увидеть, как он выходит из аудитории. Два года я говорила себе: «Он никогда не заметит. Он выпустится. Ты просто переживешь это и забудешь». И вот он стоит передо мной…предлагает… общаться.

Я сплю. Это сон. Сейчас зазвенит будильник, и я проснусь в своей комнате, и все будет как раньше. Пусто. Тихо. Одиноко.

Но будильник не звенел. А Зураб смотрел на меня и ждал.

– Саада? – позвал он, и в его голосе было столько тепла, что у меня защипало в глазах.

Зураб сделал еще один шаг. Теперь между нами было не больше полуметра. Я чувствовала тепло, исходящее от его разгоряченного тела. Пахло травой, потом и чем-то ещё – его запахом, который я никогда не забуду.

– Если это тебя смутило, то…

– Нет, – вырвалось у меня слишком быстро. Слишком громко. Я сглотнула и попыталась снова, тише: – Нет-нет. Эм… Давай дружить.

Я хотела сказать это твердо, уверенно, как девушка, которая знает себе цену. Но голос дрогнул, и получился вопрос. Как будто я спрашивала разрешения. Как будто я все еще не верила, что это происходит.

– Давай, – кивнул он и улыбнулся широко, открыто. Так, как я видела только издалека и никогда обращенной на себя.

Сейчас мне было наплевать на все. На студентов, которые, наверное, уже заметили нас и перешептываются. На его команду, которая смотрела в рощу с открытыми ртами. На Раяну, которая будет в восторге и ужасе одновременно. На всех.

Потому что, если я не уйду сейчас, я сделаю что-то глупое. Скажу что-то, что выдаст меня с головой.

– Мне пора домой, – я помахала рукой неловко, по-детски и быстро развернулась, чтобы уйти. Пока не опозорилась окончательно.

– Я провожу.

Я замерла. Обернулась.

– Не надо. Ты, наверное, устал после игры.

– Провожу, – повторил Зураб, и в его голосе не было вопроса. Только мягкая, спокойная настойчивость.

Я ничего не сказала. Просто кивнула и мы пошли вместе.

Дорога до остановки занимала минут десять. Я знала ее наизусть. Каждый камень, каждую трещину в асфальте, каждый куст сирени у забора. Но сегодня она казалась другой. Длиннее. Медленнее. Как будто время растянулось, чтобы дать мне запомнить каждую секунду.

Мы шли молча. Не неловко – просто молча. Слушали шаги. Смотрели на закат, который разливался по небу оранжевым и розовым.

– Не знаю, правильно ли я поступил, – Зураб первым нарушил тишину.

Я вздрогнула. Замедлилась.

– Что-то не так?

Внутри все сжалось от страха.

Он жалеет? Понял, что я слишком странная? Слишком тихая. Слишком не такая, как все.

– Вот уже полгода мы вместе ходим на общие дисциплины, – сказал он, глядя вперед, на дорогу. – И за это время я ни разу не подошел к тебе. Ни разу не поприветствовал. Хотя давно заметил.

Я смотрела на его профиль – на волевую линию челюсти, на ресницы, которые казались слишком длинными для парня, на маленький шрам у виска, о котором я никогда не знала.

Почему ты молчал? Почему не подошел раньше? Я бы… я бы все отдала за один твой взгляд. За одно слово. Я схожу по тебе с ума уже два года. По твоим зеленым глазам. По тому, как ты смеёшься, запрокинув голову. Я влюбилась в тебя в первый же день. И с тех пор каждое утро иду в университет с мыслью: «Увижу. Сегодня увижу».

– Я просто боялся быть лишним в твоей жизни, – продолжил он, и его голос стал тише. – Не мог никак познакомиться. Это нелегко.

Он вздохнул – глубоко, как будто сбрасывая с плеч груз и посмотрел на меня.

– Но теперь… Мне хотелось бы…

В глазах Зураба я видела что-то, чего раньше не замечала. Не просто вежливость. Не просто симпатию. Что-то большее.

Мы подошли к остановке. Автобус уже виднелся вдалеке.

– Дай мне свой номер. Я напишу вечером. Тебе… будет удобно?

– Э-э… Да, наверное, – я заправила прядь волос за ухо, чтобы занять руки. Чтобы не выдать, как они дрожат.

Не показывай, глупая, как сильно ты этого хочешь. Не показывай, что готова отдать все за один его звонок.

Я продиктовала номер. Зураб записал. Улыбнулся.

– До встречи, – я помахала рукой и поднялась в подъехавший автобус.

Зураб остался на остановке. Поднял руку на прощание.

Внутри меня что-то пело. Что-то, что я давно считала мёртвым.

Я не знала, что это – начало конца.

Не знала, что эта улыбка – его последняя улыбка, которую я увижу.

Не знала, что совсем скоро эта улыбка превратится в кровь.

Глава 5

Мурада не было дома уже несколько дней. Он звонил мне каждый божий день – коротко, требовательно, будто проверял, на месте ли его собственность. Но сейчас, в силу своей занятости в Дубае, он был далеко, и я могла выдохнуть. Могла позволить себе не вздрагивать от каждого звука сообщения. Может, он сам успокоится и больше не будет донимать меня?

Глупая, глупая надежда.

***

Последние две недели были странными. С того самого дня в роще, когда Зураб вернул мне блокнот, что-то сдвинулось. Сначала редкие сообщения вечером: «как дела?», «ты сегодня была на лекциях?». Потом – дольше, глубже. Он рассказывал о своем проекте, той самой башне, которую я видела на выставке. Я рассказывала о том, как схожу с ума от физмата.

На переменах мы стали встречаться у автомата с кофе. Стояли в стороне от толпы, с бумажными стаканчиками в руках, и болтали. Зураб поделился о том, куда он хочет поступить в магистратуру. Обещал показать мне фотографии из своей поездки в Берлин, где был на стажировке. Я ждала этих фотографий больше, чем сессии.

Раяна подшучивала надо мной:

– Ты светишься, как ёлка на Новый год, – говорила она, толкая меня локтем. – Это из-за него, да?

Я краснела и отмахивалась. Но она была права. С Зурабом не было страха. Не было давящего ожидания. Не было чувства, что я хожу по тонкому льду, а подо мной бездна.

Последняя пара по статистике тянулась бесконечно. Я почти не слышала голос преподавателя. Вместо формул и графиков перед глазами стояло одно лицо с зелёными глазами.

– Саада, ты летаешь где-то, – шепнула Раяна, сидящая рядом, и я вздрогнула.

– Просто устала, – пробормотала я, но знала, что это не так.

Я ждала, когда закончится занятие, и мы с Зурабом, как договорились, пойдем в тот новый парк у ТЦ. Просто погулять как обычные люди.

Я поспешно собрала вещи. У выхода из аудитории, в толпе студентов, меня уже ждала высокая, спортивная фигура. Зураб улыбнулся, увидев меня и эта улыбка была как глоток свежего воздуха после душной аудитории.

– Готова? – спросил он.

– Готова, – ответила я, уже машинально передавая ему свой рюкзак.

Мы вышли из корпуса в теплый майский день. Солнце уже клонилось к закату, но воздух был мягким, пропитанным запахом цветущей сирени. Студенты спешили кто куда – домой, на остановку, в кафе. Мы смешались с потоком, вышли за калитку и направились к фонтану в парке.

В кармане завибрировал телефон.

Не глядя, я отключила вибрацию. Не сейчас. Только не сейчас.

Я рассказывала Зурабу о том, как Раяна вчера умудрилась опоздать на пару и пролезла в аудиторию через окно. Он смеялся громко, искренне, запрокидывая голову, а я смотрела на него иловила мурашки.

Но позвонили снова. И снова. Телефон вибрировал в кармане, как разъяренная пчела, и с каждым толчком ледяная волна страха заливала меня изнутри.

Зураб посмотрел на меня с легким вопросом.

– Может, что-то важное?

– Нет… не думаю, – солгала я, чувствуя, как вся моя радость гаснет, как свеча на ветру.

Мы подошли к фонтану. Вода в нем переливалась в свете фонарей, и брызги казались маленькими алмазами. Я смотрела на них и пыталась удержать в себе то тепло, которое только что было. Но оно уходило. Утекало сквозь пальцы.

И тут я почувствовала… Нет, не увидела, а почувствовала тяжелый, давящий взгляд. Так смотрит хищник из темноты, прежде чем прыгнуть.

По территории парка, вызывая пересвист и недоуменные взгляды, медленно, как королевская яхта, проплыл длинный черный «мерседес». Машина, которая здесь выглядела так же чужеродно, как космический корабль на деревенской улице.

Дверь открылась, и он вышел.

Мурад.

В темно-сером костюме, без пиджака, рубашке с расстегнутыми на две пуговицы. Выглядел так, будто только что сошел со страницы глянцевого журнала, а не приехал в провинциальный университетский дворик. Свежий. Голодный…

Поток студентов замер, раскололся на две части, обтекая его широкой дугой. Послышались шепотки:

«Булатов… Это же Булатов…»

«Что он здесь забыл?»

«Смотри-ка, к Сааде прётся…»

Я стояла, вжавшись в землю, чувствуя, как кровь отливает от лица. Руки похолодели. Ноги стали ватными.

Рядом Зураб насторожился. Его улыбка исчезла. Он не знал Мурада в лицо, но почувствовал то же, что и все – опасность, исходящую от этого человека, и его абсолютную, бесцеремонную уверенность.

Мурад снял очки. Холодный и оценивающий взгляд скользнул по Зурабу, задержался на секунду. Достаточно, чтобы запомнить каждую черточку его лица. Потом перешел на меня. На его губах заиграла легкая, самодовольная улыбка.

– Саада, – произнес он громко. Его голос был бархатным, но под ним чувствовалась сталь. – Я скучал. Три дня без твоих глаз подобны аду.

Он подошел ближе, игнорируя Зураба так, будто того не существовало. Как будто он был пустым местом.

– Только что с самолета, – продолжил он, останавливаясь в шаге от меня. – Не мог не заскочить к тебе первым делом.

Я чувствовала на себе сотни глаз. Взгляды однокурсников были разными: у девушек – это смесь зависти и любопытства, у парней – настороженность и подавленное раздражение. Все знали, кто он. Все понимали, что значит его внимание. И все видели, как я, бледная как полотно, стою рядом с Зурабом.

– Мурад, – выдавила я. – Ты… ты не предупредил.

– А надо было? – он чуть склонил голову набок, и в его глазах мелькнуло что-то опасное. – Чтобы ты успела спрятать то, что не должна была прятать?

Вс мо маленькое счастье разбилось с тихим, незримым звоном.

– Мне пора, Зураб, – обратилась я к парню.

Он удивленно нахмурился, когда я взяла с его рук свой тяжелый рюкзак. Его добрая улыбка замерла, потом погасла.

– Саада? Что случилось? Я могу проводить тебя до дома…

– Нет! – слово вырвалось слишком громко, почти панически. Я силой заставила себя смягчить тон, натянув жалкую пародию улыбки. – Нет, все в порядке. Это… я потом п-позвоню.

Я видела его растерянный, немного обиженный взгляд. Видела, как он хотел что-то сказать. Как его рука дернулась, но я уже развернулась и почти побежала через площадь подальше от этих двоих.

Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть. Я чувствовала на спине два взгляда: один – растерянный сзади, другой – холодный и неотрывный. Как два клинка, скрестившихся над моей головой.

Но разве Булатов даст мне спокойно уйти? Его машина притормозила в метре от меня.

Он даже загорел слегка. Красивый бронзовый загар, оттеняющий его мощную стать и хищные глаза, в которых был только голод. Только собственничество. Только ярость, замаскированная под спокойствие.

– Кто это был? – спросил он, лениво облокачиваясь о дверцу машины.

– Это… это просто парень с универа. Помог донести книги, они тяжелые, – затараторила я, даже не веря, что эта жалкая ложь может кого-то обмануть.

Мурад медленно достал пачку сигарет. Вытащил одну, прикурил. Движения были расслабленными, но я видела, как напряжены его плечи. Как сжата челюсть.

– С универа, – повторил он без интонации, потом сделал неглубокую затяжку и выдохнул, глядя прямо на меня. – Интересная у тебя учеба, Саада. На площади у фонтана. В романтических сумерках.

Я похолодела.

– Не понимаю, о чем ты…

– Я видел, как ты стояла с ним, – перебил он меня, и его голос зазвучал острее. Мурад сделал шаг ко мне, и я невольно отступила, упершись спиной в холодный бок его машины. – Ты так смотрела на него. Так слушала. Улыбалась. Это было похоже на свидание, Саада. Очень похоже.

– Это не было свиданием! – в голосе задрожали слезы от бессилия и страха. – Мы просто разговаривали!

– Со мной ты так не разговариваешь, – констатировал он, бросив сигарету на асфальт и растоптав ее ботинком. – Со мной ты молчишь или огрызаешься. Но так… – он наклонился ко мне, поставив ладонь на крышу машины над моим плечом, замыкая меня в пространстве между своим телом и металлом. – Так, как с ним, ты на меня никогда не смотрела.

От него пахло табаком, парфюмом и ледяной яростью. Его тело было так близко, что я чувствовала жар, исходящий от него. И этот жар пугал больше, чем холод.

– Я же просил, – хрипло прошептал он. – Не подпускай к себе парней. Ты думала, это были просто слова?

– Он просто хороший человек! – вырвалось у меня.

– Хорошие люди, – произнес Мурад с какой-то странной горечью, – часто ломают себе челюсти, Саада. Или попадают в неприятные истории. Ты хочешь для него такой участи?

В его глазах не было блеска. Только плоская, черная уверенность. Та самая, которую я видела в первый день. Та самая, от которой кровь стыла в жилах.

Я закрыла глаза на миг и прошептала:

– Пожалуйста… Не трогай его…

Мурад молчал, глядя на меня сверху вниз. Потом его рука – та, что лежала на крыше машины, – переместилась. Пальцы коснулись моей щеки, стерли слезу. Почти нежно. Почти ласково. Но это была не нежность. Это была демонстрация власти.

– Тогда запомни раз и навсегда! Твоя улыбка, твой смех, твой взгляд – все это принадлежит мне. Ты выставляешь это напоказ для других, ты подписываешь им приговор. Поняла?

Я не могла говорить. Я лишь кивнула, пока внутри что-то безвозвратно ломалось и гасло.

– Это тебе.

Он протянул мне большую оранжевую коробку со знакомым брендовым логотипом. Коробку, за которой некоторые готовы были ночевать у дверей бутиков.

– Не нужно…

– Бери, – повторил Мурад, и в его голосе впервые за весь разговор прозвучало что-то похожее на раздражение. – Я что, зря стоял в очереди на лист ожидания столько месяцев? Зря летел с ней в ручной клади, как с короной?

Он еще раз, долгим, властным взглядом окинул мое лицо, задержался на следах слез. Потом развернулся и сел в машину.

Я стояла на площади, сжимая в руках эту проклятую коробку. Я была похожа на живую рекламу его власти. Подавленную, плачущую, но украшенную дорогой оберткой.

Отказаться было нельзя. Это было бы оскорблением. А оскорблять Булатова не решался никто. Особенно на виду у всего мира.

Он выиграл этот раунд, даже не вступив в бой. Просто появился и моя хрупкая, едва зародившаяся надежда на обычный вечер, на обычную жизнь, рассыпалась в прах под колесами его мерседеса.

А где-то в стороне, у выхода из парка, стоял Зураб. Он видел все, но не окликнул меня. Не побежал за мной. Просто стоял и смотрел.

Глава 6

Я сижу на кухне и смотрю на сумку, которая оказалась в той коробке.

Наша кухня – маленькая, тесная, но уютная. На подоконнике три горшка с геранью, которую бабушка когда-то привезла из города. На столе клеенка с выцветшим узором, которую мы все собираемся заменить, но никак не заменим. И посреди всего этого – оранжевая коробка с черным бантиком.

Я погуглила, дрожащими пальцами, пока мама разворачивала чехол. Цена заставила меня схватиться за стул, чтобы не упасть. Это стоило больше, чем вся наша зарплата за всю жизнь. Больше, чем все наши сбережения. Больше, чем все, что мы когда-либо могли себе позволить.

«Три дня без твоих глаз подобны аду».

Три дня относительной свободы. Три дня, когда я могла после пар гулять с Зурабом, и мы могли говорить десять, пятнадцать, двадцать минут. Смотреть друг на друга. Улыбаться. Дышать.

Он ни разу не прикоснулся ко мне. Не сказал ничего лишнего. Но в его глазах был тот самый теплый, солнечный, человеческий свет. И этот свет согревал меня изнутри, тая лед, который нарастал с каждым днем.

И вот Мурад вернулся.

Мама аккуратно, с благоговением, вынула сумку. Кожа цвета какао пахла роскошью и другим миром. Миром, где нет места нам.

– Боже мой, Саада, – прошептала мама, проводя ладонью по гладкой поверхности. – Это же целое состояние! У Мурада безупречный вкус! И щедрость!

Она смотрит на сумку, а я смотрю на ее лицо. В маминых глазах смесь восторга, страха и какой-то горькой покорности. Она видит в этом подарке не взятку, не цепи. Она видит «обеспеченное будущее», «крепкую руку», «защиту для дочери». Она не видит, как темный внедорожник неделями патрулирует нашу улицу. Не слышала наши телефонные разговоры. Для нее Булатовы – столпы общества. Пусть суровые, пусть со своими правилами, но надежные как скала.

Из комнаты доносится визг – младшие Самира и Сумая никак не поделят планшет. Им семнадцать и двенадцать лет. Дверь на кухню приоткрывается, и в щели показывается Сумая – тоненькая, с двумя косичками, которые мама заплетает ей каждое утро.

– Мам, а можно мы возьмем печенье? – спрашивает она, но ее взгляд падает на сумку. Глаза расширяются. – Ого! Какая красивая! Это тебе, Саада?

– Это… подарок, – отстраненно отвечаю я.

– От ухажера Мурада? – сестра подходит ближе, тянет руку, чтобы потрогать кожу.

Я перехватываю ее ладошку.

– Не надо. Лучше приберитесь с Самирой в комнате.

– Но я хочу посмотреть!

– Сумая, – мама говорит тихо, но в её голосе появляется сталь. – Иди.

Младшая обиженно поджимает губы, но уходит. Дверь закрывается. Мы снова одни.

Вот она – моя семья. Мама, которая пытается выжить. Отец, который молчит и курит слишком много, когда нервничает. Две младшие сестры с единственным братом, которые еще не знают, что их сестра – чужая собственность.

– Мам, это не про вкус. Это метка. Как клеймо на скотине.

Мама вздрагивает, отрывая взгляд от сумки.

– Саада, не говори так! Он проявляет заботу! Такие мужчины… они так выражают свои намерения. Это честь для нашей семьи!

– Честь? – я встаю, мне тесно на этой маленькой кухне. Мне тесно в этой жизни. – Мама, я не знаю, как мне быть…

Слезы непрошено подступают к горлу. Я закрываю глаза, и передо мной возникает лицо Зураба. Его спокойная улыбка, как он слушал, не перебивая, как в его присутствии таял камень у меня в груди.

– А что если я… если я влюблена в другого парня?

Произнести это вслух – все равно что выплюнуть яд. Или выдохнуть последний глоток чистого воздуха.

Мама замирает. Ее лицо становится маской ужаса. Она быстро, почти суеверно, оглядывается, будто стены имеют уши. А они, возможно, и имеют. В доме Булатовых все слышат и знают.

– Что? Что ты сказала? В кого? – ее шепот полон паники.

Смотрю на нее и молчу.

– Саада, ты с ума сошла! Ты знаешь, что это значит? Мурад уже показал, что не потерпит! Он… он может сделать с ним что угодно! И с тобой! И со всеми нами!

– Я знаю! – срываюсь я. – Поэтому я и не знаю, что делать! Он душит меня, мама! Каждый его взгляд, каждый подарок – это удавка на шее! А я… а я просто хочу дышать! Хочу смеяться, когда мне смешно, а не оглядываться по сторонам!

Я подхожу к окну, смотрю на пустынную вечернюю улицу. Где-то там, в темноте, может стоять его машина. Стоять и ждать как хищник, который знает, что добыча никуда не денется.

– Может… может, ему так и сказать? – говорю я, и голос мой дрожит. – Прямо в лицо? Что я люблю другого. Что его подарки, его внимание мне не нужны. Что он никогда не получит того, чего хочет. Может, тогда он отстанет? Презрительно махнет рукой и пойдет искать себе более покорную куклу?

Мама молча подходит ко мне, обнимает за плечи. Ее руки теплые, но в этом тепле нет спасения. Только жалость.

– Доченька моя глупенькая, – в ее голосе столько боли и мудрости. – Ты не знаешь этих людей. Для них такое слово – не отказ, а вызов. Это объявление войны. Если ты скажешь, что любишь другого… К сожалению, он не отпустит тебя. Он сломает, чтобы стереть его из твоей памяти навсегда. Ты думаешь, Мурад хочет просто женщину? Нет. Он хочет то, что, как он считает, принадлежит ему. А если это «его» смеет любить кого-то еще…

Она не договаривает. Просто качает головой, и в ее глазах читается бездонная жалость и страх. Тот самый страх, который она прятала годами. Тот самый, который я видела в ее взгляде, когда отец приходил злой с работы. Тот самый, который она передала мне по наследству, как единственное приданое.

Я смотрю на сумку, лежащую на столе. Она красива. Безупречна. Холодна. Как его любовь, которая душит.

А я стою на распутье. Один путь – принять шелк и сталь, стать частью его холодного, роскошного мира и похоронить в себе все живое. Другой – сказать правду и развязать бурю, последствия которой я даже не могу представить.

Мама гладит меня по волосам.

– Подумай, дочка. Иногда тихое послушание – это не трусость, а способ выжить.

Я отворачиваюсь от окна. От сумки этой проклятой, от собственного отражения в темном стекле.

– А как жить без любви, мама? – спрашиваю я шепотом.

Она не отвечает.

Потому что ответа нет.

Есть только горы, старые как мир, и правила, высеченные в их камне. Есть только дом, где на кухне пахнет выпечкой и страхом. Есть только две маленькие девочки, которые делят

планшет и не знают, что их старшая сестра – разменная монета в чужой игре. И есть черная, всепоглощающая тень Булатова, которая уже накрыла наш дом, наш стол, и вот-вот накроет мое сердце.

Глава 7

Я бегу по коридору университета, безбожно опаздывая на семинар. В руках стопка тетрадок, которые вот-вот выскользнут. Голова гудит от бессонной ночи, от тяжелого разговора с мамой, от давящего веса той сумки, что покоится на моем плече.

Да. Я решила носить ее, потому что она правда очень красивая. Потому что все подумают, что у меня очередная копия – таких сейчас полно. Потому что, если я не буду ее носить, Мурад обидится. А обижать Мурада себе дороже.

Я поворачиваю за угол и врезаюсь во что-то твердое. Бумаги взлетают в воздух белым облаком и медленно опадают на пол, как первый снег.

– Ой, простите! – автоматически бормочу я, уже наклоняясь, чтобы собрать.

– … Саада?

Тот самый голос. Теплый, с легкой хрипотцой. Я замираю на полусогнутых коленях, сердце совершает в груди болезненный кульбит. Медленно поднимаю взгляд.

Зураб.

Он уже наклонился, собирает мои тетради. На его лице неловкая улыбка, но в глазах… в глазах я вижу радость. Искреннюю, неподдельную радость от этой случайной встречи. И тут же тень недоумения, потому что я не улыбаюсь в ответ. Я смотрю на него, как приговоренная.

– Зураб, – выдыхаю я, и имя обжигает губы. – Привет.

– Привет, – он протягивает мне аккуратно сложенные бумаги.

Наши пальцы почти соприкасаются, и я резко отдергиваю руку, будто обожглась. Его улыбка гаснет. Медленно, как свеча на ветру.

– Все в порядке? Ты… выглядишь не очень.

– Все хорошо. Просто спешу, – лгу я, хватая тетради.

Мне нужно бежать. Нужно исчезнуть сейчас же, но ноги будто вросли в пол. Я смотрю доброе, открытое лицо Зураба и вспоминаю лицо Мурада в окне машины. Холодное. Решающее. Беспощадное.

– Я звонил тебе… много раз. И на сообщения ты не отвечаешь…

– Зураб, мне нужно… мне нужно сказать тебе кое-что, – слова вырываются сами, против моей воли. – Мы не можем больше общаться. Видеться тоже.

Он моргает, не понимая. Улыбка исчезает окончательно.

– Что? Почему? Что случилось?

– Просто… нельзя. Пожалуйста, пойми. Это не потому, что я не хочу. Я просто не могу.

– Не можешь? – он отступает на шаг, его брови сдвигаются. Недоумение сменяется холодной, мужской обидой. – Объясни хотя бы почему. Или это какая-то игра?

– Это не игра! – почти кричу я, оглядываясь по сторонам. Коридор пуст, но мне везде чудятся глаза. – Это очень серьёзно. Это ради твоей же безопасности.

– Моей безопасности? – он фыркает, и в его голосе впервые слышится жесткость. – От кого? От того парня на черной машине, что за тобой как тень ходит?

Я молчу. Слова застревают в горле.

Зураб качает головой. В его глазах теперь горит не радость, а что-то оскорбленное, горькое. Он смотрит на меня, и я вижу, как он пытается сложить в голове паззл. Как он вспоминает все наши разговоры, все наши встречи, все мои улыбки и как он приходит к единственному выводу, который может прийти в голову нормальному парню.

– Понятно, – говорит он каким-то слишком циничным тоном. – Пока ты кокетничала со мной, смеялась над моими шутками, позволяла мне провожать тебя… за тобой уже ухаживал

«такой» человек? – он делает ударение на слове «такой», и оно звучит презрительно. – И кем я был? Запасным вариантом на случай, если с «основным» не сложится? Развлечение?

Его слова бьют по мне, как пощечины. Каждое – точное, ядовитое, справедливое.

– Нет! Зураб, это не так! Ты ничего не понимаешь!

– А что понимать? – он повышает голос, и эхо разносится по пустому коридору. – Вижу красивую, умную девушку. Думаю, вот она, редкость. А оказывается, ты просто играла, пока твой «серьезный» ухажер в отъезде был. И теперь, когда он вернулся, меня в сторону. Так, что ли?

В его глазах стоят боль и разочарование. И я не могу его винить. С его точки зрения, все выглядит именно так. Я не могу рассказать про угрозы. Про подарок, который стоит как несколько квартир. Про то, что Мурад сказал: «Хорошие люди часто ломают себе челюсти». Он не поймет. Он из другого мира. Мира, где люди говорят «нет» и их слушают. Мира, где не нужно бояться за каждый взгляд.

– Просто… пожалуйста, прости меня, – шепчу я, и голос срывается. Слезы давят на глаза, но я не могу позволить им пролиться здесь перед ним.

Я больше не могу этого выносить. Видеть, как свет в его глазах гаснет, сменяясь презрением. Я разворачиваюсь и почти бегу по коридору, оставляя его стоять среди разбросанных, но так и не собранных до конца бумаг.

Запираюсь в женской уборной и даю волю слезам, так и не добравшись до аудитории.

Весь день я как в тумане. Слова про «развлечение» и «запасной вариант» все время звенят в ушах.

Хуже всего то, что часть этого – ужасная правда. Да, я позволила себе эти встречи, зная о Мураде. Позволила, потому что была слабой. Потому что хотела глотка воздуха. Потому что в присутствии Зураба таял камень у меня в груди и теперь он заплатил за этот глоток оскорблением. А что будет дальше?

На лекциях я не слышу ни слова. Смотрю в окно, на серое небо, и думаю о том, как все запуталось. Как я оказалась между двумя мужчинами, один из которых хочет со мной встречаться, а другой – уничтожить все, что мне дорого.

Раяна что-то шепчет мне на ухо, но я не разбираю. Она смотрит на меня с тревогой, но я только качаю головой.

– Потом, – говорю одними губами, и она отстает.

После последней пары я не иду домой. Ноги сами несут меня на стадион. Туда, где мы впервые встретились.

Сердцу не прикажешь.

Я знаю, что не должна, но я иду, потому что не могу иначе. Потому что мне нужно увидеть его. Объяснить снова. Попросить прощения. Сказать, что я не играла. Что он был для меня не развлечением. Что он был… единственным светом за эти темные месяцы. Такой хороший парень разочаруется во всех девушках из-за меня, а я этого не хочу.

Я захожу на трибуну и вижу его.

Зураб сидит на нижней скамейке, один. Смотрит на поле, где тренируется команда. Его профиль четко вырисовывается в свете заходящего солнца. Красивый. Уставший.

Я подхожу медленно. Ноги трясутся.

– Зураб.

Лицо парня меняется, когда он оборачивается. Теперь там раздражение, холод… и презрение.

– Что тебе надо? – жестко спрашивает он.

– Я… я не хотела тебя обидеть. Просто…

– Просто что? – он резко встает. Вижу, что он зол. – Просто решила поиграть со мной? Подержать на крючке? А потом бросить, когда твой «настоящий» мужчина вернулся?

– Нет! Это не так! Я не играла! Клянусь, я была сч…

– Ты знаешь, что о тебе говорят? – перебивает он громче. – Что ты – девушка, которая водит парней за нос. Что ты – как те, кто продаётся за деньги и дорогие подарки. А, еще и за чёрные мерседесы.

Я замираю. Слова бьют по мне, как камни.

– Что ты такое говоришь?

– Ты слышала, – он делает шаг ко мне. – Все уже в курсе, что ты – девушка Булатова. Что ты – его собственность и что ты при этом бегаешь за мной. Так себя ведет только один контингент девушек, Саада. Думаю, мне не нужно озвучивать.

За спиной кто-то ахает. Несколько студентов с футбольной команды стоят у входа на трибуну, и все слышат. Они смотрят на меня с той же самой смесью осуждения и доли любопытства.

– Зураб, пожалуйста, не надо так…

– А что, правда глаза колет? – он усмехается. – Иди к своему Булатову. Он тебе подарки дарит. А я – что? Просто архитектор. У меня нет мерседеса, нет денег. У меня есть только я. А тебе, видимо, этого мало.

Он разворачивается и уходит, ставя точку. А я стою посреди трибуны, и слышу, как студенты за спиной перешептываются.

Я закрываю лицо руками и бегу лишь бы подальше от этих глаз. От этого позора.

Дура, Саада. Не нужно было ходить и унижаться.

Дома я не могу есть. Мама смотрит на меня, но не задает вопросов. Она знает, но молчит. Сумая и Самира, как всегда, дерутся из-за того, кто будет мыть посуду и их крики кажутся мне далекими, как из другого мира.

Ночь проходит в кошмарах. Я ворочаюсь, прислушиваюсь к каждому шороху на улице.

Утром я еле волочусь в университет. После того, что было даже подумывала остаться дома, но у меня незакрытые предметы.

Голова тяжелая, в мыслях бардак. Я захожу в общий чат группы, чтобы проверить, не отменили ли пару и замираю.

Глава 8

Сообщения в чате летят одно за другим, быстрые, обрывочные, полные ужаса и азартного шепота.

«Вы видели?! У старой объездной!»

«Это правда про Зураба, того архитектора?»

«Да, его нашли утром рабочие. Говорят, лицо не узнать…»

«Скорая забрала в реанимацию…»

«Кто мог? Он же тихий был…»

Сообщения плывут перед глазами, сливаясь в одно кровавое пятно. Телефон выскальзывает из пальцев и со звоном падает на пол. Весь мир сужается до экрана, где горят эти слова.

«Его нашли… Избитого…»

Я стою посреди коридора, и мимо меня идут люди. Студенты. Преподаватели. Они не знают. Они не понимают. Они просто проходят мимо, а я стою, и внутри меня все взрывается.

Мурад… Это точно сделал он.

Он знает все, что происходит в этом городе и сделал то, что обещал.

«Хорошие люди часто ломают себе челюсти, Саада.»

Теперь я даже не могу прийти в больницу. Не могу узнать, жив ли Зураб. Потому что следующая расплата будет еще страшнее. Потому что если я подойду к нему, если я покажу, что он мне небезразличен, Мурад сделает с ним что-то еще. Что-то хуже.

Или со мной.

Я, как во сне, наклоняюсь, поднимаю телефон. Руки трясутся так, что я еле попадаю пальцем по экрану. Я выхожу из чата, закрываю приложение, поднимаюсь со своего стула.

Мурад не просто ударил Зураба. Он ударил и по мне через него. Чтобы показать: каждое твое «нет», каждый твой взгляд, брошенный в другую сторону, будет оплачен чужой болью. И счет уже открыт.

Майское солнце бьет в глаза, когда я выхожу из университета, но внутри меня абсолютная, полярная ночь. Страх сменился чем-то другим. Чем-то острым, горячим и ясным. Чистой яростью.

Я не пошла домой. Не могла смотреть маме в глаза и притворяться, что все в порядке.

Я села в первый автобус и поехала в новый деловой район. Туда, где среди стекла и бетона располагался Следственный комитет. Туда, где Мурад Булатов занимает далеко не последнюю должность.

Охранник в строгой форме останавливает меня у турникета.

– К кому? Пропуск есть?

Я смотрю на него и вижу только препятствие.

– К Мураду Булатову. У меня к нему срочное дело.

– У Мурада Имрановича прием по записи. Вы кто?

– Скажите, что Саада. Он примет.

Что-то в моем тоне, и в этом пылающем изнутри взгляде заставляет его насторожиться. Охранник что-то бормочет в трубку внутренней связи, слушает. Его взгляд на мне меняется – из пренебрежительного становится настороженным.

– Проходите. Третий этаж. Кабинет 312. Лифт справа.

Я прохожу через турникет.

Третий этаж. Тишина, нарушаемая только мерным гулом кондиционеров и приглушенными голосами из-за дверей. Дорогой ковер глушит шаги. Я иду по коридору, читая таблички.

Здесь пахнет властью. Тем особым запахом, который я уже научилась узнавать – запах кожи, дерева и дорогого парфюма. Запах людей, которые никогда не сомневаются.

Я не стучусь в тяжелую дверь, а сразу берусь за холодную ручку, нажимаю и вхожу.

Кабинет огромен. За массивным столом из темного дерева сидят трое мужчин в форменных костюмах. И Мурад. Он стоит спиной к двери, что-то объясняя, водя указкой по большой карте на стене.

Все оборачиваются на скрип двери. На мгновение воцарилась тишина.

Мурад медленно поворачивается. Увидев меня, он не меняется в лице – ему уже доложили о моем визите. Только брови чуть приподнимаются. В его темных, всевидящих глазах мелькает не удивление, а холодное, аналитическое любопытство, как будто он изучает неожиданный, но предсказуемый результат своего эксперимента.

– Мурад Имранович… – за своей спиной я слышу испуганный голос женщины, которая подбежала к двери. Должно быть, помощница.

Он едва заметно махнул рукой, не отрывая от меня взгляда.

– Выйдите все.

Мужчины, бросая на меня недоуменные, испытующие взгляды, молча собирают бумаги, планшеты. Мне даже показалось, что один из них, молодой, смотрит на меня с сочувствием. Дверь закрывается с тихим, но окончательным щелчком.

Мы остаемся одни в этой стерильной, роскошной клетке.

– Саада, – произносит он спокойно. Подходит к своему столу, опирается о него ладонями. – Каким ветром? И в таком… виде? – его взгляд скользит по моим растрепанным от ветра волосам, по помятой рубашке.

Я делаю шаг вперед.

– Что ты натворил?

Мурад усмехается беззвучно. Берет со стола серебряную зажигалку, вертит ее в пальцах. Движения ленивые, расслабленные, как у человека, которого невозможно застать врасплох.

– Говори понятнее. Я много чего творю. Рабочий день все-таки. – его тон страшно снисходителен.

– Зураба, – едва произношу я. – Его нашли сегодня утром избитого. Он в реанимации. Ты это сделал, я знаю!

Он перестает вертеть зажигалку. Кладет ее на стол с тихим, металлическим стуком. Потом медленно поднимает на меня глаза.

Там появляется что-то другое. Глухое, нарастающее раздражение. Как у человека, которого отвлекли от важного дела назойливой мухой.

– Ты, – начинает он тихо, но каждый слог отчеканен, как пуля, – заходишь ко мне в кабинет. В государственное учреждение. Срываешь мою работу и обвиняешь меня в том, что какой-то… – он делает паузу, подбирая слово, – …индивидуум получил по заслугам?

Он отталкивается от стола и делает шаг ко мне. Неспеша. Уверенно.

– Я тебя предупреждал, Саада. Говорил по-хорошему. Объяснял правила. Ты решила проверить их на прочность?

– Он ничего мне не сделал! – мой голос звучит громче, эхом отдаваясь в пустом кабинете. – Мы просто разговаривали! Ты ненормальный!

Его раздражение, сдерживаемое до этого, лопается.

Резко, одним движением, он закрывает расстояние между нами и хватает меня пятерней за щеки. Его пальцы впиваются в кожу с такой силой, что боль пронзает челюсть.

– Ненормальный? – шипит он так близко, что я вижу мельчайшие прожилки в его карих глазах, тонкие морщинки гнева вокруг них. – Я ограждаю тебя от грязи этого мира! Делаю тебя неприкосновенной! А ты идЕшь и пачкаешься об первого встречного! Ты выставляешь свои чувства, как дешевую безделушку!

Мурад отшатывается, проводит рукой по лицу, пытаясь взять себя в руки, но ярость, черная и густая, уже вырвалась наружу.

– Ты думаешь, я не видел, как ты на него смотрела? – его голос срывается, становясь низким, хриплым. Он бьет кулаком по поверхности окна, и тот дребезжит, угрожающе звеня. – Такого света я от тебя никогда не видел! Никогда!

В этом крике, в этой вспышке, вдруг прорывается не только злоба. Прорывается что-то дикое, исковерканное, почти животное. Боль. Немыслимая, извращенная ревность, вывернутая наизнанку.

Он тяжело дышит, смотря на меня горящим, безумным взглядом.

– И за этот свет, Саада, он и поплатился. Запомни: это не я его избил. Это ты своим непослушанием, своей глупой, девичьей улыбкой. Каждый раз, когда ты посмеешь забыться, пострадает кто-то рядом. Поняла? Ты – мое проклятие для любого, кто осмелится к тебе приблизиться.

Я стою, не шелохнувшись. Его слова падают на меня, но не пробивают ледяной панцирь, в который я заковалась. Они лишь подтверждают то, что я уже знаю.

– Если Зураб не выживет…

Мурад резко обрывает меня сухим, безрадостным смехом.

– Ты будешь моей женой, Саада. И будет лучше для всех, если ты быстро примешь правила. Потому что следующего, кто попытается украсть твой взгляд, я не просто изобью. Я сотру с лица земли. И ты будешь смотреть, как это происходит.

Его слова добили меня. Добили то последнее, что еще теплилось внутри – надежду, что где-то есть выход, что можно договориться, откупиться, убежать.

И из этой мертвой точки, из этого ледяного пепла, поднялось что-то новое. Такое полное и бездонное отчаяние, что ему уже нечего было терять. Оно сожгло все остатки осторожности, все инстинкты самосохранения.

– Женой? – я нервно засмеялась. – Ты с ума сошел, Булатов. Я никогда не буду твоей женой.

Его спокойная, восстановленная после вспышки маска дала трещину. В глазах промелькнуло недоумение, будто дорогой механизм вдруг дал сбой.

– Я не люблю тебя, – продолжила я, и каждое слово было как выстрел. – Мне противна твоя «забота». Меня тошнит от твоего внимания. Ты – моя тюрьма и я не хочу в ней жить.

– Саада, замолчи, – прозвучало тихое предупреждение. Но в нем уже не было прежней всесокрушающей уверенности. Была настороженность, как у зверя, почуявшего незнакомый, опасный запах.

Я не могла остановиться. Это был мой последний выдох.

– Зураб просто помог! Но я его полюбила… – я сделала паузу, вкладывая в следующую фразу всю силу своей лжи, своей надежды, своей последней атаки. – Ты никогда не получишь того, чего хочешь. Потому что мое сердце, моя душа – они уже принадлежат другому.

Я надеялась, что, если он поймет – Саада недостижима, она любит другого, она никогда не будет его – он отступит. Презрительно махнет рукой и выбросит сломанную игрушку, которая не стоит таких хлопот.

По скулам Мурада поползли красные пятна. Пальцы сжались в кулаки так, что раздался хруст. В глазах не осталось ничего человеческого. Только черная, кипящая пустота ярости, такой всепоглощающей, что, казалось, воздух вокруг него загустел и затрепетал.

Он издал какой-то странный, сдавленный звук, похожий на рычание загнанного в угол зверя, и шагнул ко мне. Порывистый, неконтролируемый бросок.

– Другого? – он схватил меня за плечи, встряхнул так, что голова откинулась назад. – Ты смеешь говорить мне это в лицо? Любишь другого? Хорошо. Прекрасно. Пусть он приходит за тобой. Я накормлю его же собственной кровью, а тебя…

Он притянул меня так близко, что наши лбы почти соприкоснулись. Его взгляд был безумен, горячее дыхание обжигало лицо. В глазах Мурада та самая черная бездна, о которой все шептались.

Я потревожила ее демонов.

– …тебя я сделаю такой, что ты забудешь, что когда-то смела думать о ком-то, кроме меня. Ты будешь молиться, чтобы тот, другой, никогда не нашелся, потому что, если он появится, я уничтожу его на твоих глазах. Медленно. А ты будешь жить с этим. Вместе со мной. Теперь я не просто хочу тебя. Теперь я должен стереть *его* из твоей памяти. И я это сделаю.

– Я тебя ненавижу, – говорю спокойно, вглядываясь в его лицо.

– Зато я люблю.

Мурад хватает меня за талию, поднимает, как куклу, и сажает на край своего массивного рабочего стола.

Я вскрикиваю от неожиданности, пытаюсь соскользнуть, но его тело уже вплотную прижимается ко мне, зажимая между собой и столом. Он раздвигает мои колени и встает между ними, лишая всякой опоры, всякой возможности оттолкнуть его.

Большие ладони больно сжимают мои бедра через ткань юбки, которая неприлично задралась. Но он поднимает её еще выше, обнажает мои ноги

почти полностью. Хватает по обе стороны, вжимается так, что я… чувствую его… возбуждение.

– Хочу тебя на этом столе.

Булатов целует меня. Прямо в губы.

Глава 9

Целует. Совершенно забыв обо всех правилах и запретах.

Жёстко. Безжалостно.

Как будто насмехается надо мной, говоря: «Ты все равно моя. Я могу делать с тобой все, что захочу».

Это неправильно. Это большой позор, потому что в нашем обществе нельзя не то что целоваться – даже касаться друг друга. А Булатов перешел все грани. Разрушил все стены. Растоптал все правила, которые, как я думала, защищают меня.

Жадно берёт мои губы. Вгрызается в них, как будто хочет выпить само мое дыхание, вырвать с корнем имя другого, которое только что звучало здесь. Против воли чувствую вкус табака, кофе и вкус чего-то тёмного и опасного, что живёт в нём.

Я пытаюсь отстраниться, вырываюсь, но его рука сжимает мои волосы на затылке железной хваткой, приковывая к нему. Пальцы впиваются в кожу головы, и от этого по всему телу проходит острый разряд боли. Другой рукой Мурад продолжает держать мое бедро, оставляя метки и я уже знаю, что там появятся синяки.

Всё во мне кричит. Гнев, отвращение, животный страх. Но под слоями ненависти и ужаса необъяснимо пробегает ток такой острый, запретный, и пугающий. От его абсолютной, дикой власти. От этой грубой силы, которая не оставляет выбора. От того, как его тело, твердое и напряженное, прижимается к моему, стирая все границы допустимого. Чувствую мускулы его груди, каждый удар черного сердца.

Я толкаю мужчину снова, поцелуй разрывается влажным, сочным звуком. Успеваю сделать один большой вдох, обжигающий легкие, как Мурад опять набрасывается на меня.

– Мгф!

Мычу ему в губы, зажимаю зубы, не пуская его дальше. Руки упираются в его твердые плечи, но у меня не получается освободиться. Он сильнее. А моя юбка…боже… она болтается где-то на поясе, и он видит мое простое черное белье! Самый невзрачный бесшовный комплект под стать бедной студентке.

Мурад вдруг сам отрывается от моих губ. Горячим дыханием скользит по моей щеке, обжигает, оставляет влажный след. Целует её. Дразняще спускается к шее, присасывает кожу в самом уязвимом месте, делая мне больно и заставляя кричать.

– МУРАД!

Теперь, когда он не целует мои губы, я могу говорить. И колотить его кулаками со всей дури! Я бью по плечам, по чему попало, но удары словно обрушиваются на каменную глыбу. Он даже не вздрагивает. Только глубже вжимается между моих бедер, и сквозь слои ткани я чувствую всю силу его возбуждения. Жёсткого, требовательного, огромного. Это не оставляет сомнений. Это делает угрозу осязаемой, физической, неминуемой.

Он отрывается, прижимается своим лбом к моему. Мы оба тяжело дышим. Его дыхание обжигает мои губы, и я чувствую запах табака, смешанный с чем-то его запах. Запах, который я ненавижу. Запах, который я уже научилась узнавать.

– Ты моя, Саада, – говорит он хрипло. – Вся до последней мысли, до последнего вздоха. И я доберусь до каждой частички тебя.

В глазах Мурада я вижу, что это не просто слова. Это обет, от которого нет спасения.

– Поэтому можешь кричать хоть на весь этаж. Пусть все знают, чья ты.

– Перестань! – бью я, уже не крича, а именно рыча от бессильной ярости. Мои пальцы впиваются в дорогую ткань его пиджака, пытаясь оторвать, разорвать, уничтожить хоть что-то.

На его шее вздулась вена. Он ловит мои запястья одной рукой, с легкостью, унизительной в своей простоте, и прижимает их к столу за моей спиной. Мое тело чисто физиологически выгибается в пояснице в такой позе. Грудь вперед. Бедра вперед. Все – ему навстречу.

– Не-ет, сладкая. Не перестану.

Приторно тянет он, свободной рукой скользя по моему оголенному бедру. Медленно, почти нежно, контрастируя с железной хваткой на моих запястьях. Пальцы проводят по коже выше края белья, там, где кожа особенно тонкая и чувствительная. Все мое тело сжимается в спазме от этого прикосновения: смеси отвращения и какого-то животного, предательского трепета.

– Ты борешься со мной, но твоя кожа горит от удовольствия. Твое сердце бьется так, что я слышу его. Это не только ненависть, Саада. Это тоже я.

– Это страх! – выдыхаю я, отворачиваясь, но он ловит мой подбородок и заставляет смотреть на себя.

– Страх, ненависть, желание… – Мурад произносит задумчиво, как будто перечисляя ингредиенты. – Всё сгодится. Всё станет частью того, что будет между нами. Я смешаю всё это в тебе, и ты уже не отделишь одно от другого.

Он отпускает мои запястья. Но не потому, что я вырвалась. Потому что *он* решил позволить. Я мгновенно отдергиваю руки, они горят от боли и унижения. Мурад отступает на полшага, все еще зажимая меня между собой и столом. Его взгляд с непозволительной наглостью скользит по моему телу. По скомканной блузке, по черному атласу трусов, которое теперь кажется мне самым постыдным предметом в мире.

– Сегодня я только помечу тебя, – говорит он, и в его голосе звучит ледяное удовлетворение охотника. – Оставлю на тебе следы, которые ты не сможешь скрыть. Чтобы ты смотрела на них и помнила.

Он снова наклоняется, но уже не к губам, а к моим голым бедрам и… горячие губы прижимаются к тому месту, где начинается кружево белья.

Господи…

Я замираю. Дыхание перехватывает, когда он нежно, так нежно, целует внутреннюю часть бедра. Медленно. Долго. До дрожи по всему телу.

Борьба уходит, сменяясь леденящим, парализующим осознанием: Булатов не шутит. Он сделает именно так, как говорит. Он превратит мое тело в карту своей власти. И у меня нет сил его остановить.

В животе что-то закручивается, но я не позволяю этим порочным ощущениям продвинуться дальше.

Слезы прорываются и катятся по щекам. От бессилия. От стыда. От предчувствия той тюрьмы, в которую он превращает мою жизнь.

Он слышит мои тихие всхлипы и поднимает голову. В глазах Мурада на мгновение мелькает что-то сложное. Не жалость. Скорее… глубокое, мрачное удовлетворение.

Мужские ладони обхватывают мое лицо, притягивают к себе для последнего, медленного и пьянящего поцелуя. Удивительно, как его губы мягкие, не смотря на всю жесткость. Когда Мурад отстраняется, я вижу на его щеке свою размазанную помаду. След борьбы.

– А теперь иди домой. И помни: если я увижу, что ты снова смотришь на кого-то так, как смотрела на *него*…

Я знаю. Будет больно. И другому, и мне.

Сползаю со стола. Не чувствую ног, руки дрожат. Я пытаюсь привести себя в порядок: дернуть юбку, поправить блузку, стереть с лица следы слез. чувствую его взгляд на себе. Чувствую его запах на своей коже, который так глубоко въелся.

Я выхожу из кабинета, не оборачиваясь. Коридор пуст. Слава богу. Я иду к лифту, и каждый шаг отдается в моем теле болью и стыдом.

В лифте я смотрю на темное пятно на шее – засос, который он оставил. Клеймо собственности.

Глава 10

После моего визита к Мураду прошла целая неделя тишины.

Он не доставал звонками, его машины не было у остановки, ни в нашем районе. Он больше не появлялся нигде.

Я не знала, что было хуже: когда он звонил каждый день или когда он исчез. Первые два дня я вздрагивала от каждого звука мотора на улице, потом начала расслабляться.

Его тень, давившая на меня месяцами, вдруг исчезла. Я позволила себе гулять с подругами после занятий, даже сходила на шоппинг с Самирой и случайно узнала в какой больнице Зураб.

Наша соседка, этажом ниже, работает мед.сестрой в городской больнице. Она заходила к нам с лепешками, которые раздавала в качестве садаки (милостыня, которую мусульмане выплачивают друг-другу практически каждую неделю, особенно в вечер четверга). Вот она и завела с мамой этот разговор про нового паицента.

– … на прошлой неделе такого парня привезли. Молодой. Я видела его, когда везли в реанимацию. Лицо – сплошное месиво. Еле с того света врачи вернули.

Мама ахала и качала головой, причитая, какая сегодня неосторожная молодежь. Я вслушивалась в разговор из кухни, отламывая ту самую лепешку.

– Сейчас перевели в обычную палату. Жить будет. Но лицо… Челюсть сломана в двух местах. Скула раздроблена. В общем, ему повезло, что вообще выжил.

Повезло.

Мурад чуть не убил человека из-за меня. Сказал, что я выставляю свои чувства, как дешевую безделушку. Наверняка он узнал о том разговоре на стадионе. Наверняка ему доложили, как я пыталась смягчить углы и как меня культурно обозвали «шлюхой».

…

Ярмарка вакансий в университете стала для меня последним бастионом нормальности. Местом, где меня оценивали не как «ту, которую выбрал Булатов», а как Сааду Ибрагимову, студентку, идущую на красный диплом.

Я готовилась к этому дню всю неделю. Разложила двадцать резюме в красивых папках, отрепетировала ответы на вопросы, выбрала строгий костюм из юбки до колена и белой рубашки. Ничего, что могло бы привлечь внимание.

Воздух в холле университета пахнет бумагой, кофе и надеждой. Для меня этот день был больше, чем просто ярмарка вакансий. Это был шанс на будущее.

Я подошла к стенду с лаконичным логотипом IT-компании . Не гигант рынка, но перспективный, с проектами за пределами республики. За столом сидит молодой мужчина, на вид не старше тридцати лет. «Дени А.», как гласит бейджик. В очках в тонкой оправе, в светлой рубашке с закатанными до локтей рукавами.

У него была открытая, умная улыбка.

– Здравствуйте, расскажите, пожалуйста, о возможностях для студентов с физ.мата? – начала я заученную фразу.

Этот стенд девушки обходили стороной, поэтому мужчина оживился, когда я проявила интерес. Он начал увлеченно показывать презентацию на планшете.

Дени смотрел мне в глаза, кивал, когда я задавала уточняющие, продуманные вопросы и улыбался. Не формально-вежливо, а по-настоящему. В его взгляде мелькал неподдельный интерес. К моим знаниям, естественно.

В груди что-то ёкнуло. Ощущение нормальности. Простой, человеческой симпатии между двумя людьми, которые нашли общий профессиональный язык. Я позволила себе рас-

слабиться. На моих губах появилась лёгкая, почти забытая полуулыбка. Я даже пошутила насчет сложности освоения одного из программных продуктов, и Дени рассмеялся.

– А даете ли вы стажировку студентам, которые еще не выпустились? Например, с осени? – в моем голосе зазвенела робкая, но настоящая надежда. Осень. Целая вечность. Целый шанс.

– У нас гибкий график как раз для…

Я не услышала окончания фразы.

Меня настигло другое – волна шепота, пробежавшая где-то сзади. Тихий, но плотный, как внезапный сквозняк в душной комнате. Инстинкт, отточенный месяцами страха, сработал раньше сознания.

Я медленно, будто против воли, обернулась.

*Он*стоял у колонны, в десяти метрах.

Мурад.

Но не тот, к которому я привыкла в дорогих итальянских костюмах, с холодным взглядом лица. На нем сегодня форма. Строгая, темно-синяя, с четкими погонами. Форма Следственного комитета.

Атмосфера в холле изменилась. Девушки бросали на него заинтересованные взгляды.

Булатов чертовски обаятелен и красив: смуглая кожа под белоснежной рубашкой, короткая стрижка, волосы жгучие черные, острые скулы и этот изгиб на губах.

Только сволочь редкостная.

Но он не смотрел на меня. Его взгляд, тяжелый и неумолимый, как прицел, устремлен на… на этого мужчину, на Дени. Он *изучает* его как следователь изучает улику. Или подозреваемого.

Всё тепло, вся лёгкость, вся надежда вымерли в одно мгновение. Кровь отхлынула от лица, ударив в виски.

– …так что мы с радостью рассмотрим ваше резюме, – доносился до меня чужой (непозволительный) голос, всё ещё дружелюбный, ничего не подозревающий. – Оставьте контакты, и я…

– Спасибо! – вырвалось у меня, неестественно высоким и скомканным писком. – Спасибо за информацию! Очень… очень интересно. Я… п-потом свяжусь. Извините.

Я судорожно схватила свою папку, чуть не уронив её, и шагнула прочь от стенда, не глядя на удивленное лицо мужчины. Не в сторону выхода – там *он* может меня перехватить. Я нырнула в самую гущу студентов, в кипящий поток молодых людей в костюмах и девушек с планшетами. Моя цель была одна – раствориться. Исчезнуть. Стать невидимкой.

Я лавировала между группами студентов, пригнув голову. Сердце колотилось, удары отдавались в ушах. Я видела знакомые лица, но не отвечала на их приветствия. Прошла через весь холл, свернула в боковой коридор, ведущий к аудиториям. Тишина. Тут никого нет. Только мои быстрые шаги и прерывистое дыхание. Я обернулась на всякий случай. Никого. Кажется, пронесло.

Прислоняюсь к прохладной стене, закрыв глаза, пытаясь унять дрожь в коленях. Идиотка. Как я могла так расслабиться? Как могла позволить себе эту глупую, человеческую улыбку?

«Хорошие люди часто ломают себе челюсти, Саада.»

Сделав глубокий вдох, я решила вернуться в холл через другой вход, с противоположной стороны. Осторожно выглянула из коридора. Толпа. Никакой темно-синей формы. Я сделала шаг вперед.

И столкнулась с *ним* грудью.

Мурад стоял там, в тени арки, будто ждал. Знал мой маршрут лучше, чем я сама. Его форма вблизи казалась ещё более монументальной, подавляющей. Погоны, пряжка ремня, холодный металл пуговиц – всё это кричало о системе, о законе, о силе, против которой не попрешь.

Я отпрянула, как от удара током. Глаза расширились в животном ужасе.

Мурад схватил меня за локоть и потащил в свободную ближайшую аудиторию. Толкнул меня внутрь и закрыл дверь на щелчок.

Мозг, парализованный страхом, выдал единственную, отчаянную мысль – защитить невинного.

– Он просто рассказывал мне про стажировку! – слова выплеснулись из меня торопливым, сбивчивым потоком. – Мурад, я клянусь. Он ничего больше не говорил. Ничего! Просто работу. Не трогай его, пожалуйста. Не надо. Просто не надо.

Я смотрела на него, умоляя, уже не думая о гордости, о сопротивлении. Только об одном – чтобы этот симпатичный парень в очках не проснулся завтра с разбитым лицом в канаве.

Мурад смотрел на меня молча и долго. Его лицо было непроницаемой маской. Только в глубине темных глаз, казалось, шевелилось что-то черное, удовлетворенное. Он добился своего. Увидел мою панику. Мою мгновенную, рефлекторную готовность просить, умолять – не за себя. За другого.

Булатов медленно поднял руку, и я невольно зажмурилась. Но он лишь поправил прядь моих волос, выбившуюся из строгого высокого хвостика. У меня постоянно лезут мелкие прядки на лбу и висках, как бы я не мазала их лаком или воском.

– Я и не думал трогать, сладкая, – произнес он тихо, почти ласково. – Я просто наблюдал, как ты улыбаешься чужим мужчинам. Как строишь планы на осень.

Он сделал паузу, а его слова впитываются в меня, как яд. Мурад, совершенно наплевав на все правила приличия, запер меня в аудитории и… трогает. Снова. Как свою собственность.

– Забудь про стажировки, сладкая, – он наклонился так близко, что его нос потерся о мою щеку, – у нас скоро свадьба.

Я стою, сжимая в ослабевших пальцах папку с резюме. Внутри нее теперь лежали не возможности, а приговор. И тихая, всепоглощающая ярость, которая была страшнее любого страха.

Острый гнев пульсирует у меня в висках.

– Ты выйдешь за меня замуж. А жены в нашем роду не работают. Особенно в чужих конторах. Твоя работа – быть моей женой. Хозяйкой в моем доме, матерью моих детей. Зачем тебе это?

В его голосе звучало искреннее, леденящее душу недоумение. Как будто он смотрел, как я пытаюсь научиться дышать под водой, когда вокруг полно воздуха.

Это было последней каплей. Огромный, копившийся месяцами страх, унижение, ярость – всё это взорвалось в ней белым пламенем.

– Моя работа – быть КЕМ Я ХОЧУ! Я не вещь в твоем доме! Я не кусок мяса, который ты выбрал на рынке! У меня есть голова на плечах, и я сама решу, где и кем мне работать!

Мурад и бровью не повел, но в его темных глазах, промелькнула вспышка холодного, хищного интереса. Дикое животное, наконец, показало клыки, и это только раззадорило охотника.

– Больше никаких игр, Саада. Завтра мои старейшины придут к твоему отцу, а через неделю ты станешь моей женой. Поняла?

Он не ждал ответа. Он уже все решил.

Глава 11

Дорога домой была похожа на путь сквозь густой туман.

Слова Мурада о «скорой свадьбе» гудели в ушах навязчивым, неумолимым ритмом, заглушая окружающий шум. В автобусе я сидела, уставившись в одну точку, не видя мелькающих за окном лиц. Страх сменился холодной, ясной решимостью, как у зверька, загнанного в угол.

Мать встретила меня на кухне, за приготовлением обеда. Запах зиры и жареного лука, обычно такой уютный, теперь казался удушающим.

– Мама, – я даже не поздоровалась, переходя сразу к своей боли. – Мурад Булатов… Он сказал сегодня, что свадьба будет через неделю…

Ложка, которой мама помешивала плов, замерла на секунду. Потом она медленно поставила её, вытерла руки о старый фартук с въевшимися местами пятнами. Обычно мягкое лицо стало за секунду усталым и старым.

– Саада… Девочка моя… Он ведь хорошая партия…

– Он не партия, мама! Он тюрьма! – выкрикнула я, размазывая по щекам слезы, тушь и остатки самообладания. – Он капитан юстиции! Он сегодня на ярмарке вакансий при всех… он как будто арестовал меня, мама! Я не выйду за него. Я не могу.

Мать подошла, обняла меня, но в ее объятиях не было силы. Только бессильная жалость и свой, давний страх. Она гладила меня по спине, как в детстве, когда я боялась темноты. Только тогда темнота была снаружи, а теперь она закралась внутрь.

– А что мы можем сделать, Саада? Его отец, его дяди… Они все здесь как каменная гора. Противиться – только хуже сделать. Для нас всех. Не забывай, у тебя брат мотается с работы на работу. А девочки? Еще совсем маленькие.

Упоминание сестёр резануло по живому.

Мама не прививала мне чувство стыда. Она просто напоминала, чего будет стоить мое «нет».

Именно это «для нас всех» и стало последней каплей. Страх за семью был единственным, что могло пересилить мой собственный ужас. Но он же и подсказал выход. Если я – проблема, то меня нужно устранить. Убрать с глаз долой.

– Я поеду к тете в Ставрополь. На все лето. Скажу, что для практики языка, на курсы какие-то, – почти шепотом затараторила я, вырываясь из маминых объятий. – Он, может, остынет. Или найдет другую.

Мать смотрела на меня с немым ужасом, понимая, что я затеваю что-то безумное. Я и сама понимаю, но не могу сидеть сложа руки и ждать, что меня скоро лишат свободы.

В ее глазах было столько материнской боли, что она сжимала мое сердце в кулак.

– Если нет, то, по крайней мере, ты попыталась. Собирайся тихо. Возьми только самое необходимое. Деньги… – мама полезла в кухонный шкафчик, к заветной баночке, где хранились сбережения. – Возьми все. Не забудь про документы.

Она протянула мне сложенные купюры, которые они с отцом копили на «всякий пожарный», Вот он и настал.

– Мама, а если он узнает? Если придет к вам?

Она посмотрела на меня и улыбнулась горько, но тепло.

– А что он сделает? Убьет нас? – покачала головой. – Булатовы не воюют с женщинами и детьми. Они воюют с теми, кто им мешает. Ты – не помеха. Ты – то, что они хотят.

Она обняла меня крепко. Отчего у меня создавалось страшное ощущение, что это может быть наша последняя встреча.

Час спустя я вышла из дома с небольшим рюкзаком. В нем сменная одежда, документы, деньги от матери и все мои накопленные стипендии. Я не оглядывалась. Сердце колотилось, но в груди горел огонь отчаянной свободы. Вызвав такси, доехала до автовокзала.

Пыль, бензин, тяжелый парфюм.

Я купила билет на ближайший рейс. Касса, деньги, билет в руки. Все как во сне.

Автобус пока был полупустым. Я заняла место у окна в середине салона, прижала рюкзак к груди. В положенное время двигатель заурчал, двери с шипом закрылись. Мы медленно тронулись, пробираясь через хаос парковки. Вот выехали с вокзальной площади. Вот повернули на главную дорогу. Еще несколько минут и мы окажемся на трассе.

Я позволила себе выдохнуть. Сжала в кармане билет.

Я сделала это.

Вырвалась…

…

Автобус ехал уже полчаса. За окном мелькали поля, редкие деревья, серые скалы. Я ушла внутрь себя, пытаясь снять напряжение. Мы приближаемся к границе республики. Еще немного и я буду свободна.

На экране телефона мелькают страницы с вузами в Турции. Я собираюсь не просто уехать на три месяца, а исчезнуть на пару лет, чтобы Мурад точно забыл обо мне.

Если подготовить необходимые документы и сдать экзамены на турецком, я смогу бесплатно поступить. Этим и буду заниматься все лето. А если не получится, найду подработку, сниму комнату и затеряюсь в толпе.

Автобус сбавил скорость. Я выглянула в окно и увидела впереди шлагбаум, будку с надписью «Пост», несколько машин в очереди. Пограничный контроль. Обычное дело. Ничего особенного.

Но что-то в груди изменилось. Опять нервничаю.

Водитель открыл дверь. В салон вошел человек в форме – молодой, с погонами. Он прошел по проходу, проверяя документы у пассажиров. Я достала паспорт, протянула.

Он посмотрел на фото, потом на меня. Потом снова на фото. И что-то в его лице изменилось. Он поднял руку, подзывая кого-то снаружи.

– Пройдите, пожалуйста, в здание поста.

– Что-то не так? – спросила я дрожащим голосом. – Мои документы же в порядке… По какой причине…

– Пройдите, пожалуйста.

Мои ноги слабые и непослушные. Я прошла по проходу, не видя лиц. Спустилась по ступенькам, как на эшафот. Солнце слепит глаза. Я иду к зданию поста, и каждый шаг глухо отдается в висках.

И тогда я вижу их.

У здания поста стоят несколько черных внедорожников. Среди людей в форме – он. Мурад. С холодным, непроницаемым лицом. Рядом с ним – Эмин, его брат. Тот самый, из МВД.

Они стоят и разговаривают с, очевидно, начальником поста. Спокойно, как будто это обычное дело.

Мир сужается до этой картины.

Мурад поворачивает голову. Наши глаза встречаются. В моих страх и ужас. В холодная, абсолютная уверенность человека, который знает: добыча никуда не денется.

Эмин – часть системы. А система – на стороне Мурада.

Я стою, не в силах пошевелиться. Люди в форме смотрят на меня. Пассажиры автобуса выглядывают из окон. Все смотрят. Все видят.

Мурад подходит ко мне, не торопясь. Поза ленивая, руки в карманах брюк.

Ему некуда спешить. Я – здесь. *Я – его.*

– Саада. Далеко собралась, сладкая?

Я смотрю на него и молчу.

Мурад сам берет меня за руку так, что я чувствую: это вовсе не приглашение.

Бросаю последний взгляд на автобус. На людей, которые смотрят на меня. На водителя, который отводит глаза. На Эмина, который стоит в стороне и не поднимает головы.

Я могла бы закричать. Могла бы вырваться. Могла бы умолять о помощи. Но я знаю: это бесполезно. Здесь все – его. И форма, и закон, и система. Я – одна против всех.

Он усадил меня в машину, пристегнул ремень с тем же щелком, будто защелкивал наручники. Мой рюкзак бросил назад. Сел за руль и завел двигатель.

– Ты испытала последнюю каплю моего терпения, Саада, – прошипел он, выезжая обратно. – Я хотел всё сделать по правилам. Красиво. Чтобы у тебя был статус. Чтобы все видели тебя моей женой. Чтобы уважали.

Мурад провел большим пальцем по моей щеке, и я зажмурилась. Это было не ласка. Это была демонстрация власти.

– Но трахать тебя я могу и без этого статуса. Никто не посмеет сказать ни слова, потому что ты сама всё выбрала. Ты выбрала побег. Выбрала позор. Значит, и отношение к тебе будет соответствующее.

Мурад прибавил скорость, придавливая меня к сидению.

Я смотрела в окно. На дорогу, которая вела обратно. В город. В его дом. В мою тюрьму.

Видела только бездну, в которую только что сорвалась.

Булатов больше не играл в жениха. Маска сорвана. Теперь передо мной просто хозяин.

И мой побег не принес свободы. Он отнял у меня последние призрачные права. Даже право на формальное уважение.

Глава 12

ДИСКЛЕЙМЕР:

Автор не пропагандирует самоубийство. Глава отражает психологическое состояние героини

Мы едем через центр города. Молчание в салоне такое густое, что им можно подавиться. Я прижалась к дверце, будто она поможет провалиться сквозь нее, раствориться в пластике и металле. Ремень больно впивается в плечо, как веревка.

– Куда ты меня везешь? – осмеливаюсь нарушить тишину шепотом, потому что слишком боюсь того, что ждет впереди.

– Домой, – бросает он, не глядя.

Я не спрашиваю, куда «домой». В его родной дом, полный его родни? Или… Сжимаю зубы, чтобы они не стучали. Слова «трахать тебя я могу и без статуса» бьются в висках, как молотки. Я больше не его избранная невеста. Я – беглая собственность. А с собственностью не церемонятся.

Мурад сворачивает с трассы в какой-то жилой комплекс. Новый. Построенный год назад арабскими инвесторами. Слишком крутой для обычных жителей и слишком дорогой. Шлагбаум, охрана, вход по карточкам. Постороннему сюда не пробраться.

Машина паркуется в подземке. Мурад выходит, обходит капот, распахивает дверь с моей стороны. Не ждет. Просто хватает меня за руку выше локтя и вытаскивает наружу. Я почти падаю, ноги не слушаются. Он не дает упасть, но его хватка – это не поддержка, а звериный захват.

Он тащит за собой по каменным плитам гаража. Ключ, щелчок, тяжелая дверь. Внутри фойе пахнет холодом, деревом и ни души. Тишина.

Мы поднимаемся на лифте на восьмой этаж.

Мурад не включает свет в прихожей. Тянет меня за собой по темному коридору, я спотыкаюсь о порог. Потом еще одна дверь. Спальня. Большая, с огромным панорамным окном, за которым уже сгущаются сумерки. Он отпускает мою руку, и я, потеряв точку опоры, инстинктивно делаю шаг назад.

И тут он поворачивается. В его глазах – то, чего я боялась больше всего. Не ярость даже, а холодная, методичная решимость.

– Мурад, подожди… – пытаюсь отступить еще, но ноги упираются в край массивной кровати.

Булатов не слушает. Он делает один шаг, два и его рука толкает меня в грудь. Не со всей силы, но достаточно, чтобы я потеряла равновесие и упала на спину на прохладное покрывало. Я отскакиваю, как ошпаренная, пытаюсь встать, но он уже здесь, нависает надо мной, одной рукой унизительно легко прижимает мое плечо к матрасу.

– Нет… Мурад, не надо… – из меня вырывается сдавленный стон. Слезы, которые копились все это время, хлынули потоком, заливая лицо, попадая в рот. – Умоляю… не делай это со мной… Не надо, прошу тебя…

Я вижу, как его пальцы тянутся к пуговицам форменного пиджака. Он расстегивает его, не сводя с меня глаз. Сбрасывает на пол. Под ней – белая рубашка, обтягивающая рельеф плеч и торса. Он кажется огромным, нечеловеческим в зловещем полумраке.

– Поздно молить, малышка, – говорит он безжалостно, а во мне словно второе дыхание открылось.

Пока он был занят своей одеждой, я выворачиваюсь из его хватки резко, всем телом, как учил страх. Плечо горит – он успевает схватить за ворот, но ткань рвется. Треск. И я бегу.

Впереди стеклянная дверь. Балконная. За ней сумерки и свобода.

– Саада!

Его крик за спиной. Тяжелые шаги. Но я быстрее.

Столько лет мне удавалось убегать от него, неужели не получится и в этот раз?

Ручка поддается, дверь распахивается и вечерний воздух бьет в лицо. Я выскакиваю на балкон. Помню, что высокой. Восьмой этаж. Внизу огни, машины, люди. Такие маленькие, далекие. Свободные.

Я хватаюсь за холодные перила. Пальцы скользят, но я держусь. Ветер рвет волосы, слезы застилают глаза. Перекидываю ногу.

– Стой.

Мурад стоит совсем близко, но не трогает меня.

– Саада. Не надо.

Я оборачиваюсь, держась за перила одной рукой. Вторая висит в воздухе, как и нога. Для равновесия.

Смотрю в бледное лицо, искаженное страхом. В черные глаза, полные ужаса.

– Не подходи, – говорю дрожащим голосом. – Клянусь, я прыгну.

Он останавливается в двух шагах. Руки в стороны как будто пытается успокоить дикое животное.

– Хорошо. Хорошо. Я не подхожу. Только не двигайся.

– Я не хочу так жить, – шепчу я, и слезы сильнее текут по щекам. – Ты не можешь вот так запереть меня. Не можешь заставить меня сказать «да».

Голос Мурада ломается, когда он отвечает:

– Мне нужна ты. Живая.

– Зачем? Чтобы владеть? Чтобы трахать, как ты выразился?

Эта грязь повисает между нами.

– Чтобы любить, – говорит он тихо.

– Это не любовь. Это болезнь.

– Может быть, – соглашается он. – Но это моя болезнь, а ты – мое лекарство.

Я не хочу быть его исцелением. Если нет болезни, нет и потребности в лечении.

– Если я спрыгну, ты останешься один.

– Да.

– Ты этого хочешь?

– Нет.

– Тогда отпусти меня.

Ветер треплет его рубашку. В свете уличных огней его глаза блестят. Слезы? Нет. Мурад Булатов не плачет. Но что-то в нем дрожит. Что-то почти человеческое.

– Я не могу тебя отпустить. Ты – единственное, чего я хочу в этом мире.

Я смотрю вниз на асфальт. На маленьких людей. На их маленькие жизни. Если я прыгну, он прыгнет за мной? Я вижу ответ в его глазах. Потому что Булатов доказал это еще тогда в своем кабинете.

Он не оставит меня. Даже в смерти.

Я медленно перекидываю ногу обратно. Все тело трясется как в самой страшной лихорадке.

Мурад делает шаг и, когда он рядом, я не отталкиваю его. Позволяю обнять. Позволяю прижать к себе. Позволяю почувствовать, как колотится его черное сердце. Как он дрожит. Как он боится за меня.

– Никогда больше так не делай, – шепчет он в мои волосы. – Слышишь? Я не переживу этого еще раз…

Я беззвучно плачу в его рубашку, пока его руки сжимают меня крепко, отчаянно, как утопающий хватается за соломинку.

Что-то пугает меня больше, чем высота.

Истерика, дикая, всепоглощающая, вырывается из меня наружу.

– Говоришь, любишь меня… – я всхлипываю, задыхаюсь от рыданий. – Своей… черной любовью. Я так не хочу, Мурад. Не хочу ложиться под тебя без брака. Это же блуд. Грех. Так нельзя, Мурад, прошу…

Я хватаюсь за последнюю соломинку – за его же странные, извращенные понятия о чести, о правилах, которые он сам только что отбросил.

– Я… я хочу быть твоей женой, – лепечу я, смотря на него сквозь водяную пелену. – А не той, кого ты будешь трахать без статуса. Просто так. В этой квартире…

Последние слова тонут в рыданиях. Я вся дрожу, закрываю лицо руками, не в силах видеть, как он наклоняется ко мне. Я жду грубых прикосновений, боли, насилия, которое он обещал.

Но его руки больше не хватают меня.

Осторожно, через пальцы, я смотрю.

Его плечи напряжены, голова опущена. Минута тишины, нарушаемая только моими всхлипами.

– Хватит реветь, – говорит он наконец, но в его голосе уже нет той ледяной стали.

Мурад достает сигарету, закуривает.

– Ты права, – произносит он неожиданно, и от этих слов у меня замирает сердце. – Булатов не трахает свою женщину как последний подонок.

Мурад медленно поворачивается, дым струйкой выходит из уголка губ.

– Ты выиграла время, Саада. Своими слезами и своими… принципами. Но это не победа, а всего лишь отсрочка.

Он делает шаг ко мне, и мне снова хочется сжаться.

– Ты хочешь быть женой? Хорошо. Ты будешь ею. Но не через неделю, как обещал.

Мурад наклоняется, его лицо снова оказывается в сантиметрах от моего. Дым стелится между нами, запах табака проникает в легкие.

– Мы заключим никах сегодня же. Что скажешь, сладкая? Станешь моей женой?

Он затягивается, тушит окурок об металл и подходит ко мне.

Я отвечаю уже без истерики.

– Дай мне одну… одну услугу. Дай мне доучиться. Осталось всего два года. Я получу красный диплом, о котором так мечтала. И… и всё. Я буду той, какой ты хочешь меня видеть. Самой послушной. Самой хозяйственной. Я буду идеальной женой для тебя и твоей семьи. Только… дай мне это закончить. Пожалуйста.

Я произношу это почти шепотом, глядя в пол. Это капитуляция. Полная и безоговорочная. Я отдаю ему все свое будущее в обмен на два года иллюзии нормальности. На два года отсрочки перед пожизненным заключением.

– Идеальной женой? Послушной? – переспрашивает он, и в его голосе слышится странная, горькая нотка. Он кладет ладонь мне на щеку, заставляя поднять голову. Его пальцы грубые, но движение почти нежное. – Саада. Я не хочу, чтобы ты ломала себя.

Я замираю, не понимая. Его слова не укладываются в голове.

– Я полюбил тебя такую, – темные глаза смотрят прямо в мои, без привычной насмешки или злобы. – Настоящую. Которая огрызается. Которая убегает. Которая смотрит на других мужчин с интересом в глазах, а на меня со страхом и ненавистью. Мне не нужна послушная кукла.

Он убирает руку с моего лица и прикладывает ее, широкую и теплую, к моей груди, прямо над бешено колотящимся сердцем.

– Мне нужно вот это. Здесь. Я хочу, чтобы ты полюбила меня. Не за статус, не из страха. А вот так. По-настоящему.

Я смотрю на него, полностью ошеломленная. Все, что я знаю о нем – собственник, тиран, насильник – трещит по швам. Эта просьба… она звучит почти уязвимо. Почти по-человечески. И от этого становится в тысячу раз страшнее. Потому что с тираном можно бороться. А как бороться с человеком, который говорит, что любит тебя? Который хочет не твоего тела, а твоей души?

– Я… я не знаю, как, – вырывается у меня искренне. Я не притворяюсь. Я в полном ступоре.

– Я научу, – говорит он просто. – Университет… можешь доучиться. Я никогда не был против развития женщины, но с условиями. Машина будет привозить и забирать тебя от ворот до ворот. Никаких ярмарок, никаких «стажировок». Никаких разговоров с однокурсниками-мужчинами. Ты учишься и сразу домой. Здесь ты будешь жить с сегодняшнего дня. Здесь мы начнем… привыкать друг к другу.

Он отступает на шаг, и его лицо снова становится непроницаемым.

– А теперь я должен узаконить наши отношения. Вечером для нас все начнется по-новому.

Мурад поворачивается и уходит, оставляя меня одну на балконе.

Он не тронул меня. Разрешил учиться. Сказал, что любит меня «настоящую» и потребовал невозможного – чтобы я полюбила его в ответ.

Это не освобождение. Это новая, более изощренная ловушка, где моим тюремщиком будет не злодей, а человек, который, кажется, и правда во мне нуждается. И самая большая опасность теперь – не его гнев, а эта коварная, подлая надежда, которая шевельнулась где-то глубоко внутри. Надежда на то, что в этой тьме, может быть, есть хоть капля чего-то настоящего. И от этой мысли мне становится так же страшно, как и от его рук на моей шее.

Глава 13

Мурада нет уже несколько часов.

Тишина в его огромной, чужой квартире давит на уши, превращаясь в навязчивый звон. Я хожу из угла в угол, считаю шаги, считаю трещины на потолке, считаю минуты. Извела себя до дрожи, накрутила, напридумывала сценариев один страшнее другого.

В конце концов, не выдержала. Набрала маму.

Гудки шли дольше обычного, а потом в трубке щелкнуло.

– Алло? Саада?

Прикусываю губу, чтобы удержать слезы.

– Мам… Я не знаю с чего начать…

– Саада… – она прерывисто вздыхает. – У нас *его*люди. Мулла провел никах. Ты теперь… ты стала женой Булатова, доченька.

Последние слова она выдавила сквозь сдавленный всхлип, который тут же попыталась заглушить.

В моей груди что-то оборвалось и застыло. Как будто внутри меня выключили свет.

Я стою посреди чужой кухни, прижимая телефон к уху, и чувствую, как земля уходит из-под ног.

Хватаюсь за столешницу.

Мурад предупреждал…

«Я должен узаконить наши отношения».

Голос мамы на другом конце провода стал тревожно тонким, когда она пересказала что происходит дома. Обряд прошел тихо, неприметно.

– Мам… прошу, не переживай из-за этого, – мой собственный голос прозвучал удивительно ровно, будто это говорил кто-то другой. – Я решила… смириться. Точнее, играть по его правилам. Если у меня не получилось спастись, то я хотя бы постараюсь избежать… худшего для всех нас.

Мама все равно плакала, глухо и безнадежно.

– Ты же говорила… любишь другого…

Говорила.

Поэтому пожалела.

– Их женщины как-то живут, – я пожимаю плечами, глядя в огромное панорамное окно на чужой мне пейзаж. – Мурад сказал, что даст мне доучиться. Поэтому я заставлю себя… привыкнуть. К тому же, я знаю жену старшего брата Мурада. Она из их родового села. Вроде неплохо живет, ведет социальную жизнь, работает. Может… может Булатовы меняются, мама? Может, они иногда уступают своим принципам?

В трубке – тяжелое, красноречивое молчание. Мы обе знаем правду. Волки не меняются. Льва или медведя можно выдрессировать, заставить служить в цирке. Но волка – никогда. Его можно только убить или покориться ему.

Мы не умеем убивать. Поэтому остается – покориться.

– Что бы ни случилось, помни… мы рядом, – тихо сказала мама.

После разговора навалилась пустота, которую захотелось чем-то заполнить. Хоть едой, потому что в последний раз я ела только утром.

Я бреду на огромную кухню, сияющую холодным глянцем стали и гранита. Все здесь чужое, идеальное, неживое. Как будто дом для каталога, а не для людей.

Открываю холодильник, смотрю на полки, забитые продуктами. Взяла палку колбасы и именно в этот момент, Мурад возвращается.

Картина маслом.

Я – с головой в холодильнике, и палкой колбасы в одной руке. Он – на пороге кухни, только что вернувшийся, с едва уловимым запахом ночного воздуха и дорогого табака. На его непроницаемом лице застыло неподдельное изумление.

– Моя женушка проголодалась? – в его низком голосе слышится смесь насмешки и какого-то странного, одобрительного удивления.

Я вздрагиваю и со всего размаху бьюсь головой о верхнюю полку. Чертыхаюсь. В ушах разносится противный звон. Стиснув зубы от боли и дикого смущения, закрываю дверцу, кладу колбасу на стол. Чтоб ее!

Мурад бросает на полированную столешницу передо мной сложенный лист бумаги. Я прекрасно вижу, что это, еще даже не развернув.

Свидетельство о заключении брака. По нашим законам. По законам, которые для таких, как он, важнее государственных.

Весь мой наведенный, хрупкий покой рушится в одно мгновение. Аппетит исчезает напрочь. Я забываю о бутерброде, забываю о боли в голове. Взгляд мечется между документом, лежащим как приговор, и его фигурой, заполнившей собой дверной проем. Моего… мужа.

Боже. Подумать только. Я стала законной женой Мурада Булатова. Без моего белого платья, без танцев, без смеха подруг. Без моего искреннего «да». Потому что рискнула играть на его терпении и поплатилась. Цена – вся моя жизнь, уместившаяся в печать и подпись муллы.

И тогда в голове, отточенной страхом и отчаянием, рождается коварная, опасная мысль. Если нельзя убежать… может, стоит попробовать обойти? Если нельзя сломать стену… может, стоит сделать вид, что это не стена, а опора?

Я делаю несколько неуверенных шагов в его сторону, сглатывая тугой, горячий ком в горле, мешающий дышать и говорить. Поднимаю на него взгляд, заставляя губы сложиться в подобие улыбки.

– Я благодарна тебе, Мурад, – говорю быстро, прежде чем страх парализует меня снова. – За то, что оставил мне учебу. Это много для меня значит.

Я не дотрагиваюсь до него. Не могу. Но мой взгляд, мой тон – это первая в жизни попытка не оттолкнуть, а… приблизиться.

Он смотрит на меня. Его изумление растворяется, уступая место привычной, хищной внимательности.

Мурад подходит ко мне вплотную, стирая последние сантиметры безопасного пространства. Его тело – сплошная линия напряжения, жара, подавляющей силы. Почти грудь в грудь. Я чувствую, как учащенно бьется его сердце, или это стучит в висках моя собственная кровь? Он возбужденно (я уже научилась это различать по хрипотце в голосе) произносит:

– Глазки покажи.

На миг прикрываю веки. Глубокий, бессознательный жест самозащиты. Спрятаться. Исчезнуть.

Он так делает вот уже два года. С того самого дня, когда впервые заявил свои права. Как будто в моих голубых, слишком светлых для этих мест глазах – его личный талисман, источник одержимости, который он обязан регулярно проверять. Как будто, не увидев их, он не может быть уверен, что я все еще здесь, все еще *его*.

Я слушаюсь. Покорно поднимаю на него взгляд, заставляя себя не моргнуть, не отвести в сторону. Вижу свое отражение в его темных, бездонных зрачках: маленькое и пойманное.

И Булатов улыбается. По-настоящему. Уголки его глаз чуть прищуриваются, жесткие линии лица смягчаются. В этой улыбке на мгновение нет той леденящей тени собственничества, только странное торжество. Он добился своего. Он видит то, что хочет видеть.

Этот миг обманчивого спокойствия длится недолго. Он наступает вперед, вынуждая меня пятиться назад. Шаг. Еще шаг. Пятки упираются в что-то твердое – в мрамор кухонного ост-

ровка. Отступать некуда. Мурад расставляет руки по сторонам, упираясь ладонями в холодную поверхность, запирая меня в клетке из своих рук. Слегка наклоняется, сокращая дистанцию до минимума.

И смотрит. Глаза в глаза. Мужское дыхание смешивается с моим.

– Скажи, что ты моя, Саада, – голос, проникающий прямо в кости. – Скажи это. Только тогда я поверю.

Мой взгляд самопроизвольно скользит к тому злополучному листу на столе – свидетельству, которое уже все утвердило без моих слов.

Но Мурад ловит это. Легкое, почти презрительное движение головы с его стороны.

– Это просто бумага. Мне нужно, чтобы ты сама сказала. Добровольно.

Добровольно.

Какое издевательское слово на его языке.

Я смирилась. Приняла неизбежность, как принимают диагноз. Но покориться? Отдать ему не только тело, но и мысль, желание, саму душу? Нет. Внутри меня все еще тлеет крошечный, упрямый уголек сопротивления.

Но вслух я говорю то, что он хочет услышать. Голос звучит чужим, плоским, лишенным всякой эмоции:

– Я твоя, Мурад.

Он хмыкает, и в этом звуке слышно и разочарование, и какое-то циничное удовольствие.

– Звучит не очень убедительно, сладкая, но на первый раз сгодится.

Его руки, лежавшие на столешнице, приходят в движение. Одна из них резко, но без боли пятерней хватает меня за подбородок и щеку, заставляя выше поднять лицо к нему.

– И эти глаза, Саада. Больше не прячь их от меня. Никогда. Поняла?

Я не могу кивнуть – его пальцы крепко держат мое лицо. Я лишь чуть опускаю и снова поднимаю веки в знак согласия. Покорно. Всегда покорно.

– Я хочу видеть тебя рядом, когда просыпаюсь, – его слова льются теперь горячим, требовательным шепотом прямо в губы. – Когда засыпаю – тоже. Я хочу тебя, Саада, всю. Неужели это так сложно понять?

Конечно, несложно. Я все поняла еще по тому, как он вошел сюда, по тому, как звучал его голос, когда он бросал на стол этот документ. Я поняла, что сегодняшняя ночь – не просто формальность. Это – церемония. Заключительный акт его обладания. Я чувствую его желание – жесткое, неоспоримое даже через слои нашей одежды. Оно пугает своим напором, своей абсолютной, всепоглощающей уверенностью.

И Мурад читает этот страх на моем лице. Большой палец проводит по моей щеке, спускаясь к губам. Давит подушечкой на нижнюю губу, сминая ее. Движение нарочито ласковое, почти нежное, но от него по спине бегут ледяные мурашки.

– Не бойся, – в его голосе вдруг появляются странные, обманчивые нотки утешения. Он так и не убрал свой палец с моих губ. Напротив, создается ощущение, что Булатов хочет зайти дальше. – В первый раз я буду нежным.

(Примечание автора: в Исламе не допускается брак без согласия невесты, даже если согласны родители. Но для сюжета пришлось немного исказить).

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.